ДЖУЛИ БЕРРИ
ТАЙНА
«ШКОЛЫ
ПРИКВИЛЛОУ»

Книги Джули Берри

Джули Берри

Тайна «Школы Приквиллоу»

«Эксмо»
2014

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Сое)-44

Берри Д.

Тайна «Школы Приквиллоу» / Д. Берри — «Эксмо», 2014 — (Книги Джули Берри)

ISBN 978-5-04-114075-5

В закрытой школе для девочек произошло преступление! Чудесным майским днём во время воскресного обеда замертво упали директриса и её брат. Семеро воспитанниц понимают, что миссис Плакетт и мистера Годдинга отравили, но кто?! И ведь если об этом узнают соседи, то школу наверняка закроют, а девушек отправят по домам. А тем временем в школу один за другим очень некстати прибывают посетители (например, влюбленный в директрису адмирал!). Так что девушки решили сделать вид, что ничего не произошло, и скрыть преступление. К тому же оказалось, что финансовые дела директрисы совсем плохи. Так на какие средства содержалась школа?! И кто всё-таки убийца? Каждая из школьниц талантлива по-своему, объединив усилия, они берутся за расследование.

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-114075-5

© Берри Д., 2014
© Эксмо, 2014

Содержание

Англия, 1890 6
Глава 1 8
Глава 2 13
Глава 3 20
Глава 4 27
Глава 5 31
Глава 6 38
Глава 7 43
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Джули Берри
Тайна «Школы Приквиллоу»

Julie Berry
The Scandalous Sisterhood of Prickwillow Place
Text copyright © 2014 by Julie Berry
Cover illustration by Maximilian Meinzold
Cover © Thienemann-Esslinger Verlag GmbH, 2014
© Николенко Е.В., перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Моим собственным возмутительным сёстрам – Сью, Джейн, Бет, Сэл и Джоанне – и всем сёстрам, что я обрела на жизненном пути.

Англия, 1890
О лицах, которых мы в нашем романе не встретим
(Родственники и знакомые юных леди, упомянутых в романе)

Миссис Мейбл Прэтли. Первое, что она предприняла, выйдя замуж за Бенсона Прэтли, – определила его дочь, Роберту, в пансион Святой Этельдреды для благородных девиц в Или, Кембриджшир, в сорока милях от дома. Миссис Прэтли твёрдо верила, что столь долговязая и нескладная особа, то и дело путающаяся в собственных ногах, к тому же слабоумная, нуждается в усиленном формировании женских качеств. Дурно воспитанная предыдущей миссис Прэтли, Роберта выросла довольно изнеженной, однако новоиспечённая миссис Прэтли намеревалась это исправить. Пансион Святой Этельдреды славился суровой дисциплиной и неукоснительными моральными принципами, что вполне удовлетворяло мадам. Не важно, что все, кто знал Душечку Роберту, описывали её как очаровательно нежную и добрую. Мачехе лучше знать!

Миссис Ллойд Маршалл, мать Мэри-Джейн Маршалл, чей величайший страх состоял в том, что её дочь тайно вступит в возмутительный брак с неподобающим джентльменом. Беспутная Мэри-Джейн умела ускользать из-под самого строгого надзора, и молодые люди, в особенности самые дерзкие и крайне нуждающиеся, увивались вокруг неё, точно мухи вокруг горшка с мёдом. Встревоженная мать возложила все свои надежды на неусыпное око директрисы пансиона Святой Этельдреды для благородных девиц.

Лерой, Руперт, Александр и Честерфилд Бойлы, младшие братья Глупышки Марты Бойл, непрерывно её мучившие, поскольку это было так легко! В овсянку бросали лягушек. Из-под простыней выпрыгивали мыши. Очки снова и снова терялись, только чтобы найтись в корзине с картошкой или маслобойке. Справедливости ради необходимо упомянуть, что глупыми считает своих сестёр большинство мальчиков. Возможно, вышеупомянутые юноши правы. Однако бывшая гувернантка Марты, если на неё как следует надавить, соглашалась, что её подопечная – прелестная девочка с талантом пианистки и ангельским голосом.

Изабель Брукс, кузина Элис Брукс. С самого утра и до чаепития Изабель ела засахаренные орехи, мармелад и пирожные, а после угощалась гренками с инжирным вареньем и сырными круассанами вплоть до ужина. А поскольку справедливости в мире не существовало, Изабель, с её стройной изящной фигурой, не поправлялась ни на унцию и по-прежнему носила парижские наряды, сшитые по последней моде, являя собой образец совершенства. Бабушка днями напролёт сравнивала Изабель и Элис. Тот факт, что Крепышка Элис, склонная набирать вес, умудрилась не возненавидеть Изабель, свидетельствует о её великодушии и прекрасной выдержке.

Мистер Максимилиан Хитон, преуспевающий фабрикант из Северной Англии, вице-председатель Великобританской железнодорожной комиссии, отец Невозмутимой Китти Хитон. Его жена скончалась, когда их дочери было четыре года, непредвиденно оставив огромное состояние мистера Хитона, которое он построил благодаря своим неустанным усилиям, без наследника мужского пола. Это единственное, что терзало мистера Хитона. Он часто хвастался, мол, ему никогда не доводилось находиться в одном помещении с мужчиной, способ-

ным наравне с ним управлять предприятием. Однако попробуй он чаще находиться в одном помещении с собственной дочерью, возможно, заметил бы, что достойный соперник подрастает прямо у него под носом. И пусть мистер Хитон был в высшей степени эффективным человеком, но даже акционеры его фабрик, которые стали богатейшими людьми, доверив Максимиллиану свою финансовую удачу, не любили его.

Доктор Мэттью Дадли, лондонский хирург и дядюшка по отцу Луизы Дадли. Получил стипендию в Кембриджском университете, выучился врачебному делу, а позднее прошёл подготовку в Эдинбургском университете в Шотландии. Когда в восемь лет заболела оспой его юная племянница Луиза, он ухаживал за ней дни и ночи напролёт и благополучно вылечил. После чего навеки стал её кумиром и наставником. Дядя поощрял интерес Луизы к науке, химии и медицине, снабжая племянницу литературой и приглашая на лекции. Он утверждал, что она станет отличным врачом. Страшась, что его пророчество сбудется, в двенадцать лет родители конфисковали у Луизы химический набор и отправили её в пансион Святой Этельдреды постигать науку женственности.

Старый Джим Клитроу, могильщик из Ньюарк-он-Трент, что в Ноттингемшире, сорок лет хоронил покойников своего прихода и иногда выкапывал их обратно – в случае, если у тех имелись обручальные кольца или прочные ботинки, а также, если их лёгкие или ливер стоили серебра хирурга[1].

Как-то ночью, погрузив в тележку только что выкопанного вдовца-немца, Старый Джим обнаружил, что из-за дерева за ним наблюдает юная Элинор Сивер. В лунном свете бледное девичье лицо смахивало на лик призрака. Джим решил, что это ангел возмездия явился наказать его за осквернение могилы. От потрясения сердце могильщика едва не перестало биться. Юная леди заглянула ему через плечо на труп Ханса Маркса и погладила холодную серую физиономию мертвеца. Старый Джим Клитроу отогнал Элинор Сивер, скинул Ханса Маркса обратно в могилу, набросал поверх земли и дал дёру. Той же ночью он поведал о произошедшем бармену в городском пабе «Пузырь и Грудинка». Когда слухи о ночных скитаниях Мрачной Элинор достигли ушей мистера и миссис Сивер, они отправили дочь в пансион Святой Этельдреды для благородных девиц быстрее, чем вы бы успели выговорить слово «некромантия».

[1] Как пишет Е. Коути в книге «Суеверия викторианской Англии», «кражи тел стали серьёзной проблемой в Англии XVIII – начала XIX века. С развитием медицины требовалось всё больше трупов для вскрытия в анатомических театрах. Одна беда – по закону для этих целей дозволялось использовать только тела висельников. Посмертное вскрытие считалось частью наказания. Хотя в Англии вешали достаточно преступников, их тела не могли обеспечить все медицинские университеты. Из-за нехватки трупов некоторые врачи прибегали к услугам „похитителей тел“, которые тайком вскрывали свежие захоронения и уносили мертвецов». – Здесь и далее примеч. пер.

Глава 1

Каждое воскресенье в школе-пансионе Святой Этельдреды для благородных девиц на Приквиллоу-стрит в городе Или, графство Кембриджшир, семеро воспитанниц согласно традиции приглашались за стол директрисы Констанс Плакетт, где та угощала обедом своего младшего брата, мистера Олдоса Годдинга. Честь лицезреть, как директриса и её неизменный воскресный гость уничтожают приготовленную самими же ученицами телятину, с избытком восполняла недостаток мяса на столе. Барышни привыкли до конца воскресенья довольствоваться хлебом с маслом и запечённой фасолью. Ведь их грядущее призвание – стать жёнами. И мистер Годдинг свято верил, что подобное самоотречение сослужит девицам добрую службу. Вдовая миссис Плакетт, годы супружеской жизни которой остались далеко позади, мнение брата всецело разделяла.

В один такой воскресный майский вечер миссис Плакетт посреди трапезы обмакнула хлеб в тарелку, откусила кусочек… Но хлеб тут же выпал из её руки, голова внезапно запрокинулась, а глаза бессмысленно уставились в потолок. Она содрогнулась, задрожала, кашлянула и затихла.

– Что стряслось, Конни? – возмутился её брат, не переставая набивать рот. – Говори, женщина! Неприлично так таращиться! А ты, мисси, передай перец.

Сей приказ почётный гость адресовал Беспутной Мэри-Джейн, что сидела к нему ближе всех. Ни имени барышни, ни почему, собственно, она беспутная, мистер Годдинг не знал. Он всех воспитанниц называл «мисси».

Беспутная Мэри-Джейн послушно передала требуемое. Мистер Годдинг щедро поперчил телятину, прожевал кусочек, отложил нож и вилку, промокнул бороду салфеткой и встал. Обойдя стол, он подошёл к сестре и только занёс руку постучать её по спине, как вдруг захрипел, схватился за горло и рухнул на пол с глухим стуком, отозвавшимся в ножках стульев, на которых сидели семеро воспитанниц.

– Полагаю, они мертвы, – сказала Мрачная Элинор.

Невозмутимая Китти сползла со стула и крадучись подошла к директрисе. Затем сдёрнула очки с носа Глупышки Марты, протерла рукавом стёкла и поднесла их ко рту миссис Плакетт. Понаблюдала, прислушалась. Девушки, так и не донеся вилки до рта, застыли, ожидая приговора.

Убедившись, что стёкла не запотели от дыхания, Невозмутимая Китти кивнула и водрузила очки обратно на нос Глупышки Марты.

– Дохлая, как копчёная селёдка.

– Тьфу, – огорчилась Марта, – ты заставила мертвеца дышать на мои очки!

Рябая Луиза хотела было поправить Глупышку Марту, но Невозмутимая Китти чуть заметно качнула головой. Луиза, самая младшая из воспитанниц, привыкла, что старшие девочки ею помыкают, потому промолчала.

– Какой кошмар! – Душечка Роберта закрыла лицо ладонями. – Разве нам не следует позвать доктора Снеллинга?

– Поздновато, – сказала Мрачная Элинор. – Луиза, проверь другого.

Рябая Луиза, местный учёный, с осторожностью приблизилась к трупу мистера Олдоса Годдинга. Увы, тот лежал лицом в пол. Чтобы перевернуть тело, необходимо было его коснуться. От мысли об этом Луиза с отвращением сморщила рябой нос.

– Давай же, – не отставала Мрачная Элинор. – Он не укусит.

– Он же мужчина, – закусила удила Рябая Луиза, – и противный к тому же.

– Не будь глупой! Разумеется, он мужчина, – фыркнула Беспутная Мэри-Джейн. – Поверь, многие куда приятнее.

– Представь, что это опытный образец, – подсказала Невозмутимая Китти, – специально умерщвлённый ради исследования.

Душечка Роберта промокнула глаза платочком и взвизгнула:

– Умерщвлённый? Ты сказала «умерщвлённый»?

Тем временем Рябая Луиза, поднатужившись, сумела перевернуть «опытный образец» и объявила его мёртвым. Кровь, вытекшая из разбитого носа мистера Годдинга, оставила на его и без того отвратительной физиономии багровые потёки и грозила навеки въесться в персидский ковёр.

Девочки окружили тело и склонились над ним.

– Умер-р-рщвлён, – раскатисто пропела Мрачная Элинор. – Убит!

– О боже, – задохнулась Душечка Роберта. – Убийство. Господи. Кажется, я сейчас лишусь чувств. – И принялась обмахиваться ладошкой.

– Не сейчас, Роберта, умоляю, – одёрнула её Мэри-Джейн. – Ни к чему попусту тратить силы на обморок: всё равно поблизости нет молодых людей, которые бы это заметили.

– Чушь! – фыркнула Рябая Луиза. – Пожелай я лишиться чувств, чего на самом деле не желаю, так бы и поступила. И мне было бы безразлично, есть ли рядом мужчины или нет.

– Твёрдый орешек наша Луиза, – заметила Крепышка Элис. – Не изменяет себе. Однако вернёмся к делу…

– К телу, ты хотела сказать? – поправила Глупышка Марта, не отводя глаз от трупов.

– Что-то убило миссис Плакетт и мистера Годдинга. – Крепышка Элис промокнула салфеткой кровавое пятно на ковре. – Однако они могли просто подавиться мясом. Не стоит спешить с выводами.

– Шансы на то, что они оба с промежутком в несколько секунд просто подавились, ничтожно малы, – презрительно разъяснила Рябая Луиза. – Факты указывают на яд, что означает убийство. Кто-то их прикончил.

– Да. Вот только кто? – ангельски улыбнулась Невозмутимая Китти.

В столовой воцарилась тишина, лишь на каминной полке тикали часы со стеклянным куполом. Тёплый майский ветерок раздувал ситцевые занавески в цветочек.

На своём стуле в столовой восседала навеки выпрямившаяся Констанс Плакетт, а семь её учениц таращились друг на друга, словно увиделись впервые.

– Разумеется, не одна из нас, – всхлипнула Душечка Роберта.

– Отчего же? – поинтересовалась Беспутная Мэри-Джейн. – Если так, я только порадуюсь. Наконец кто-то проявил толику здравого смысла и избавился от этой парочки.

Глаза Душечки Роберты налились слезами.

– Какой кошмар! Как же нам жить здесь дальше, гадая, кто из нас отравительница?

– Дорогая, – обратилась к Глупышке Марте Элис, – возьми, пожалуйста, его за ноги.

Сама она подхватила мистера Годдинга под мышки, и теперь он напоминал тяжеленную гипсовую статую.

Остальные леди также внесли свою лепту. Они принялись ворочать труп, распределяя вес и следя за тем, чтобы кровь не попала им на платья. Наконец барышням удалось поднять мёртвого брата своей мёртвой директрисы.

– И что будем делать дальше? – спросила Беспутная Мэри-Джейн. – Сгрузим на диван до прибытия полицейских? Полагаю, лучше кого-то за ними послать. А давайте я пойду! – просияла она. – Из Лондона приехал новый констебль, такой высокий и с широченными плечами. Между верхними зубами у него совершенно очаровательная щербинка. Только накину новую шаль…

– Постой-ка, – возразила Невозмутимая Китти. – Перед тем как флиртовать с полицейскими и звать доктора, следует получше всё обдумать. Душечка Роберта задала весьма разумный вопрос.

– Я? – недоумённо заморгала Роберта.

Крепышка Элис неловко приподняла тело мистера Годдинга.

– Может, прежде чем болтать, сначала уберём его куда-нибудь?

– Бросьте прямо здесь, – распорядилась Невозмутимая Китти, – ему уже ничем не помочь.

Мистер Годдинг второй раз за вечер рухнул на пол.

– Да ну вас! – огорчилась Крепышка Элис. – Теперь придётся снова его поднимать.

– Как я и сказала… – начала Невозмутимая Китти, но внезапно осеклась. – О! Проверьте его карманы! Сделаешь, Луиза?

– Зачем?

– Если у него есть деньги, мы найдём им лучшее применение, – пожала плечами Китти.

– Как ахейцы во время Троянской войны, – пробормотала со странным блеском в глазах Мрачная Элинор. – Они снимали доспехи с трупов поверженных врагов.

– Да… – закашлялась Невозмутимая Китти, – похоже на то.

– Не понимаю, почему вся грязная работа достаётся мне, – проворчала Рябая Луиза.

– Потому что ты самая младшая и мы тебе так приказали, – заявила Беспутная Мэри-Джейн и тут же заработала пинок от Крепышки Элис.

– Потому что ты очень основательная барышня, дорогая, – поправила Невозмутимая Китти.

Рябая Луиза скривилась и двумя пальчиками с опаской залезла в карманы брюк мистера Годдинга. Поиски увенчались сигарой, табакеркой, монетой, ключом и сложенным клочком исчерканной бумаги.

– Какая-то записка? – осведомилась Элис, вглядываясь в каракули. – Что там?

– Больше смахивает на чернильное пятно, – нахмурилась Луиза. – Вроде треугольник какой-то. А так ничего примечательного.

Она бросила находки на стол.

– По-твоему, целый соверен непримечателен? – Невозмутимая Китти, большая любительница цифр и учёта, взяла монету и отчиталась о содержимом карманов директрисы: – У миссис Плакетт соверен, несколько шиллингов, пенс, носовой платок и мятные пастилки.

– Надеюсь, небесам повезёт больше, чем нам, и мадам будет там почаще жевать пастилки, – заметила Беспутная Мэри-Джейн.

– Мэри-Джейн, как ты можешь так говорить о покойной! – ужаснулась Душечка Роберта.

– У неё и при жизни изо рта воняло, – парировала Мэри-Джейн, – и сейчас душок не улучшился.

Невозмутимая Китти сгребла найденную у трупов мелочь себе в карман, а остальные находки бросила в фаянсовый вазон в буфете.

– Как я уже сказала, – с лёгким недовольством возобновила она свою речь, – пару минут назад Роберта весьма разумно поинтересовалась, как же нам жить здесь дальше. И она права! Стоит поставить в известность полицейских и прочих, как нас сразу отправят по домам.

– Разумеется, отправят, – вздохнула Душечка Роберта. – Это логично. Полагаю, придётся мне как-то научиться любить мачеху. Отсюда, на расстоянии, это было намного проще. Тем более викарий сказал, что мы должны просить Господа за своих врагов. Сразу стало легче за неё молиться.

– Но почему, дорогая Роберта? – удивилась Глупышка Марта. – Зачем тебе возвращаться домой к гадкой мачехе? Неужели мы не можем остаться здесь и продолжать жить, как прежде?

– Нам не позволят! – заявила Рябая Луиза.

– Кто не позволит? – не поняла Глупышка Марта.

– Коронеры, – со значением сказала Мрачная Элинор. – Гробовщики. Полиция. Попечители школы. Все они налетят на нас, словно стая ворон, как только разнесётся весть, что директриса и мистер Годдинг мертвы.

– Ты будто бы радуешься этому, Элинор, – заметила Невозмутимая Китти.

– Только гробовщикам, – призналась та. – Всегда мечтала хоть одним глазком взглянуть на бальзамирование.

– Проклятье! – вновь плюхнулась на стул Беспутная Мэри-Джейн. – Без этой мерзкой парочки мы могли бы как следует повеселиться. В школе вдруг стало куда интереснее. Но, как назло, придётся разъезжаться по домам.

– Всем нам, – вставила Рябая Луиза.

Крепышка Элис обняла Рябую Луизу, а та, в свою очередь, опустила голову ей на плечо.

– И я не хочу домой, – вмешалась Глупышка Марта. – Младшие братья без конца меня мучают! Дёргают за волосы, пачкают их чернилами, склеивают странички в нотах…

– Мать ни на минуту не выпустит меня из виду, – посетовала Беспутная Мэри-Джейн. – Клянётся, если я хоть на полчаса останусь без присмотра, тут же с кем-нибудь сбегу. Вы когда-нибудь такой вздор слыхали? – довольно ухмыльнулась она. – Я и десятью минутами обойдусь, нашёлся бы желающий.

– Уж на нехватку желающих ты никогда не жаловалась, – заметила Невозмутимая Китти.

– Верно, но под матушкиным присмотром налицо нехватка времени.

Крепышку Элис планы Мэри-Джейн на поспешный брак не интересовали.

– Мне придётся постоянно выслушивать от бабушки, какая я толстая по сравнению с кузиной Изабель, – сообщила она. – Уж кто бы говорил! Бабушке самой не затянуть корсет без помощи пары служанок, а она всё меня изводит.

Мрачная Элинор уставилась на догорающие в камине угли.

– А моя мама станет дни напролёт твердить, что юные леди должны непрестанно излучать благой нрав и доброе настроение. – Слова эти Элинор произнесла так, как прочие говорят «опарыши» или «чёрная гниль».

Невозмутимая Китти посочувствовала бедняжке.

– Полагаю, в результате нас отправят в другие школы, – подвела итог Рябая Луиза. – Новые наставницы, новые противные девчонки опять сделают нашу жизнь невыносимой.

– А здесь мы все так славно поладили, – с тоской вздохнула Душечка Роберта. – Просто чудо какое-то. Мы не просто подруги, мы – одна семья.

– Больше, чем семья, – возразила Беспутная Мэри-Джейн. – В семьях полно всяких тёток, братьев, родителей. А мы сёстры.

– Я всегда мечтала о сестре, – посетовала Глупышка Марта.

– Я тоже, – согласилась Душечка Роберта.

– А я – нет, – призналась Мрачная Элинор, – но против вашей компании не возражаю.

Рябая Луиза присела.

– Ни у кого из нас нет дома сестры, верно? – уточнила она. – Я раньше не задумывалась об этом. Да и никто из нас не задумывался.

– Потому я и не хочу уезжать, – расплакалась Душечка Роберта. – У нас ведь настоящее сестринство.

Элинор вручила Роберте чёрный платок китайского шёлка.

– Знаете, что я думаю? – ни к кому конкретно не обращаясь, заявила Невозмутимая Китти. – А давайте ничего не скажем этим… воронам и как их там… коронерам. Никому ничего не скажем.

Барышни уставились друг на друга. В камине тлел уголь, вспыхивая слабыми искрами. На миг девочки остались наедине с собственными мыслями. Ожидая ответа, Невозмутимая Китти отсчитывала удары своего сердца.

– Но тела будут пахнуть, – наконец осмелилась Глупышка Марта. – Рано или поздно это обязательно произойдёт.

Беспутная Мэри-Джейн, чьи зелёные глаза от предложения Невозмутимой Китти вспыхнули радостным огнём, успокаивающе похлопала Глупышку Марту по спине:

– Нет, милая, этого не произойдёт. Мы их похороним – прямо на овощных грядках.

– Замечательное выйдет удобрение, – добавила Рябая Луиза, задумчиво почесав нос. – Возможно, не в этом сезоне, но в следующем кабачки и тыквы уродятся сочными. Только по осени картошку копать придётся поаккуратнее.

Невозмутимая Китти пристально изучала то одну юную леди, то другую, наблюдая, как они восприняли её идею, но пока не спешила себя поздравлять. Сначала необходимо убедиться в надёжности каждой.

– Картошка – ерунда. Разгорится скандал, – напомнила Китти. – Расследование! Каждая из нас на всю жизнь останется под подозрением.

– Чёрное клеймо, – нараспев протянула Мрачная Элинор, – наша девичья честь будет опорочена.

– О нет, ни в коем случае, – возразила Беспутная Мэри-Джейн. – Подумаешь, умолчали о смерти директрисы и её мерзкого братца! Никто и не расстроится. Порочить девичью честь лучше как-то повеселее!

– Они подумают, что убийца среди нас, – предупредила Рябая Луиза.

Невозмутимая Китти взяла её под руку:

– Хотелось бы мне знать, милая, действительно ли это дело рук кого-то из нас…

Глава 2

Сквозь ситцевые занавески повеял прохладой вечерний ветерок. Белые розы на обоях в столовой – собственно, белыми эти цветы оставались совсем недолго – в лучах заката приобрели красноватый оттенок, равно как и навеки побледневшее лицо миссис Плакетт. Эта жёсткая и несгибаемая леди (которая, по чести сказать, никогда ещё не была такой жёсткой и несгибаемой) казалась совершенно лиловой, словно отражала солнечное тепло летнего вечера. Повсюду, куда ни простирался сквозь западное окно взгляд, даже грязь на обширных лугах фермера Баттса в лучах заката сияла неземным великолепием. Овцы казались светлыми ангелами. А далеко за фермой в розовеющие небеса взмывала пара грандиозных башен городского собора Или.

Впрочем, это волшебное зарево в столовой продержится лишь несколько минут, потом настанет пора зажигать лампы, поэтому Крепышка Элис спустилась в кухню и вернулась с керосином и спичками.

– Давайте перейдём в кабинет и составим план, – предложила Невозмутимая Китти.

– Давайте-ка лучше перейдём в кабинет и отведаем «целебного» вина миссис Плакетт, а заодно угостимся её печеньем из жестяной банки, – выдвинула встречное предложение Беспутная Мэри-Джейн.

Невозмутимая Китти хотела было запротестовать, но осеклась. Как и остальным девушкам, ей пришла в голову светлая мысль: а ведь и правда, более ничто на свете не преграждает им путь ни к печенью, ни к вину, ни к прочим сокровищам школы Святой Этельдреды!

Воспитанницы дружно бросились в спальню миссис Плакетт: всем было известно, что там, в прикроватной тумбочке, покойная директриса держала «целебное» вино и стаканы.

– Бутылки все пустые! – огорчилась Рябая Луиза. – Вот невезение.

– Но не жестянки, – пропела Крепышка Элис из глубины чулана, откуда и принесла две полные коробки с шотландским печеньем и одну со сливочными тянучками.

– Чаепитие будет роскошное! Вперёд! – позвала Китти.

Крепышка Элис мигом обернулась и поставила чайник на плиту, а Рябая Луиза зажгла лампу: к тому времени уже стемнело и требовалось больше света, поскольку Душечка Роберта и Глупышка Марта споткнулись в столовой о мистера Годдинга. Вдобавок Душечка Роберта, которая хоть и не до конца ещё выросла, но уже была самой высокой из всех девочек, умудрилась рухнуть прямо на остывшее тело.

Потребовалась нюхательная соль миссис Плакетт и немного печенья, только тогда угроза очередного обморока миновала и состояние Роберты вернулось к обычному счастливо-умиротворённому.

– Ослабьте корсеты, девочки! – возликовала Мэри-Джейн. – Долой правила, да здравствует свобода! Элинор, ты наконец-то избавишься от этого жуткого держателя осанки, отныне миссис Плакетт не заставит тебя его носить.

– Сожжём-ка его, – предложила Луиза.

Никто даже не успел возразить, как она схватила бандаж Элинор и швырнула в огонь камина.

Миссис Плакетт изо дня в день упорно пыталась выпрямить неизменно сутулую спину Мрачной Элинор и принуждала ту продевать руки в чёртову сбрую.

Элинор, надо сказать, сидела прямо и с тревогой следила, как тлеет орудие пытки.

– Тост, – провозгласила Невозмутимая Китти, почти окрылённая успехом. – За самоуправление! Отныне школой Святой Этельдреды для юных леди будут править эти самые леди. Вот так-то!

Последовали бурные аплодисменты.

– За независимость! – подхватила Рябая Луиза. – Никакие въедливые старухи теперь не будут нам указывать, когда нужно помалкивать и как раскладывать ложки, если на ужин явится племянница графа. Или советовать оставить научные эксперименты мужчинам.

Барышни отсалютовали Луизе чайными чашками.

– За свободу! – воскликнула Беспутная Мэри-Джейн. – Долой комендантские часы, суровые взгляды, лекции на тему морали и приличий.

Подруги принялись бурно, почти тревожно рукоплескать.

– За женщин! – объявила Крепышка Элис. – Девочки, каждая из нас вправе быть кем хочется. Чтобы всякие угрюмые и брюзгливые Плакетты не лепили из нас кукол на свой вкус.

Её слова вызвали грандиозное волнение.

– За сестринство! – вступила Душечка Роберта. – Будем держаться вместе, несмотря ни на что.

Последовали ещё три тоста, затем ещё три… Печенье и сливочные тянучки разлетались на ура. Чаепитие и впрямь удалось на славу.

На западной башне собора Или колокола пробили восемь часов.

В парадную дверь позвонили. Барышни замерли и переглянулись.

– Всё кончено! – пролепетала Душечка Роберта.

– Воскресный гость? – шепнула Мэри-Джейн. – Поздновато для ужина. Кто бы это мог быть?

– А мы тут (только полюбуйтесь!) устроили пирушку среди трупов, точно в усыпальнице! – зашипела Крепышка Элис. – Как это будет выглядеть?

– Занимательно, – отозвалась Мрачная Элинор, но на неё не обратили внимания.

– Нас поймают и обвинят в убийстве, – шмыгнула носом Глупышка Марта.

– Мне дурно… – всхлипнула Душечка Роберта. – Всё как в тумане…

Невозмутимая Китти вскочила с места.

– Никто нас не поймает и не обвинит, – прошипела она, – если только мы не натворим глупостей. Роберта! Возьми себя в руки. Луиза, Элис, Мэри-Джейн, – хватайте трупы и спрячьте в комнате директрисы. Сотрите кровь с лица её брата и заприте его в платяном шкафу. Саму мадам уложите в кровать и накройте одеялом, будто она отдыхает – просто для подстраховки. Давайте сплотимся и будем действовать сообща.

Снова прозвенел колокольчик. Крепышка Элис притушила лампы в кабинете, а прочие барышни тем временем схватились кто за холодную руку, кто за окостеневшую ногу и поволокли тела в спальню. Невозмутимая Китти стряхнула крошки от печенья с подушек и неспешно направилась открывать.

Узкий коридор был длинным, да и весь дом миссис Плакетт был просторным, куда бóльшим, чем ей требовалось. Собственно, это и стало одной из причин, почему она вообще открыла в нём пансион. Китти вдруг почудилось, что между ней и выходом лежат сотни дверей и сотни комнат. Но она тряхнула головой, и наваждение исчезло.

Сквозь прозрачную занавеску на окне виднелся силуэт – мужской, хотя с тем же успехом гостем мог оказаться и бочонок с головой сверху. На мгновение Китти вспомнила об отце и помедлила, успокаивая нервы, а затем открыла дверь. На пороге стоял грузный, сутулый, но всё ещё внушительный адмирал Локвуд, взирающий на барышню сверху вниз сквозь толстые стёкла очков.

Китти невольно отступила. Адмирал Парис Локвуд, некогда прославившийся подвигами во славу её величества, редко покидал деревенскую резиденцию, где жил в окружении привезённых из многочисленных путешествий ценностей и, как кое-кто полагал, мешков с золотом. В Или он снискал репутацию грозного тирана. Рыбаки поговаривали, что его крики порой доносились аж до реки Грейт-Уз.

Но сегодня суровый бас адмирала сменился приглушённым хриплым шёпотом:

– Конни?

Конни?! Невозмутимой Китти было некогда гадать, что бы это могло значить.

– Миссис Плакетт уже отошла ко сну, – твёрдо заявила она.

Адмирал потоптался на месте, прищурился и уставился на Китти.

– Жаль горемычную, – сокрушённо поцокал старик языком. – Бедолага. Впрочем, отчасти это странно… Ага, всё ясно! Это всё часть сюрприза!

Китти совершенно растерялась (уж поверьте, с ней подобное случалось нечасто).

Адмирал Локвуд вошёл в дом и принялся снимать френч.

– Что ж, мы всё равно можем поздравить молодого именинника, даже если хозяйка захворала. Держите!

Подмигнув Китти, он вручил ей тяжёлую бутылку, которую та покорно взяла.

– Молодого именинника?…

– Брата мадам, – объяснил адмирал. – Конни пригласила гостей, чтобы устроить ему сюрприз. Должно быть, я пришёл первым.

Бедняжке Китти померещилось, что земля вдруг ушла у неё из-под ног. И то, что кто-то мог всерьёз считать мерзкого Олдоса Годдинга молодым, было наименьшим из потрясений.

– Конни велела дождаться в кабинете, – сообщил старик, проходя в переднюю. – Она задумала пирушку с сюрпризом. Может, её внезапный отдых – какая-то специальная уловка. – Повесив френч в коридоре, он забрал у Китти бутылку. – Дайте-ка. Отменный портвейн – «Тейлорс Винтаж». Такого не найти ни в Или, ни в самом Кембридже. Мой вклад в торжество.

Они дошли до кабинета. Адмирал ловко снял обёртку и откупорил бутылку. На столике уже стояло множество бокалов, так что гость с удобством расположился возле него, поближе к камину, и подмигнул без того огорошенной Китти.

– Передайте мадам, что теперь она может прервать свой отдых. Праздник начался. Ух ты, печенье!

Зазвенел дверной звонок. Невозмутимая Китти, словно оказавшись в кошмарном сне, попятилась и улизнула в коридор. Остальные девочки высунули головы из дверных проёмов, точно испуганные крольчата.

– Что здесь творится, Китти? – прошептала Крепышка Элис.

– День рождения мистера Годдинга! – лаконично сообщила та.

Девушки в ужасе распахнули глаза. От этого зрелища хребет Китти точно превратился в стальной стержень. Да, именины – обстоятельство непредвиденное, но Китти не собиралась отказываться от новообретённой свободы, особенно из-за страха перед горсткой стариков, решивших воскресным вечером в честь дня рождения выпить портвейна, каким бы дорогим тот ни был. Судьба и без того редко считалась с мнением воспитанниц пансиона Святой Этельдреды.

Китти вновь подошла к двери. Стоявшего за ней человека она узнала безошибочно. Лишь один мужчина в Или обладал подобным телосложением: высокий, довольно полный, с лысой, вытянутой наподобие ореха, головой. Что ж, Китти, как преступнику после оглашения приговора, терять было уже нечего.

Не рассуждая, она толкнула дверь.

– Добрый вечер, преподобный Рамси, – слегка поклонилась Китти. – Чем могу помочь?

Грузный викарий приходской церкви Святой Марии нагнулся к Китти и влажно прошептал ей на ухо:

– Я принёс помадку! Я ведь не слишком опоздал на празднование?

– Да это как посмотреть…

– А? Что вы сказали?

Китти вытерла ухо платком и улыбнулась викарию:

– Ничуть не опоздали, преподобный. Проповедь сегодня звучала так вдохновляюще!

Преподобный Рамси расплылся в улыбке.

– Ах да. «Девять советов в помощь молодым людям, дабы твёрдо вели они свои суда по водам Вавилонским». Читается каждое второе воскресенье мая. Одно из моих любимых напутствий.

– Разумеется. Я особенно оценила предостережения о грехе пьянства. – Китти повела викария в кабинет. – Миссис Плакетт просила её извинить. Она расхворалась, но вы вместе с помадкой можете составить компанию адмиралу Локвуду.

Гости поприветствовали друг друга. Преподобный Рамси немедленно углядел на столике бутылку и уселся на ближайший к ней стул. В дверь снова позвонили. Викарий остался причмокивать рыбьими губами и радостно созерцать, как Локвуд наливает ему портвейн, а Китти поспешила открыть следующему гостю.

По пути она встретила девочек. Те выглядели ужасно взволнованными.

– Как успехи с телами?

– Мистер Годдинг артачится, – прошептала Крепышка Элис.

– Вероятно, сообразил, что день рождения намереваются праздновать без него, – пробормотала Китти.

На сей раз в сумраке показался господин в круглой шляпе. Похоже, он посматривал на часы. Сделав глубокий вдох, Китти распахнула дверь.

– Добрый вечер, – поздоровалась она с гостем, уже ступившим на коврик. – Как приятно вас видеть, доктор Снеллинг.

– Обычно при встрече меня приветствуют иначе, – заметил доктор. – Завидев меня, люди сразу думают о болезни, смерти и счетах за лечение. Аптекарь – мой единственный друг. – Он протиснулся мимо Китти в коридор и вручил ей шляпу. – Держите.

Китти преградила вспотевшему толстяку дорогу.

– Смерть? Что это вы такое говорите! Чем могу помочь, доктор?

Доктор Снеллинг нетерпеливо махнул ей шляпой.

– Повесьте шляпу и позвольте пройти. Я пришёл повидать миссис Плакетт, так что давайте покончим с церемониями.

Китти снова ужаснулась.

– Вы хотите сказать, что пришли на званый вечер, верно?

– День рождения! Точно, – щёлкнул пальцами доктор Снеллинг и снова нетерпеливо бросил взгляд на часы. – Совсем о нём забыл. Миссис Плакетт говорила, что у её брата день рождения. Ваша директриса попросила заглянуть к ней перед праздником, проверить печень. Я опаздываю и ставлю семь к одному, что Молли Бенион разродится ещё до утра, или я не врач. И три к одному – что мальчиком. Всегда рад дружески поболтать с мистером Годдингом и желаю ему хорошо повеселиться, но сегодня мне бы только взглянуть на миссис Плакетт и отправиться по делам. А где ваша домоправительница?

– У мисс Барнс выходной. А я и не знала, что миссис Плакетт недомогает…

Враньё, шепнула Китти совесть, но с другой стороны, миссис Плакетт никогда не выказывала явных признаков болезни. Похоже, от привычного желчного состояния к смерти она перешла мгновенно.

Доктор Снеллинг нетерпеливо ждал.

– Неужели? Ну так вы собираетесь меня к ней проводить?

Китти решила потянуть время и протянула доктору Снеллингу шляпу.

– Она отдыхает. Покоится… – и чуть не сказала «с миром», но спохватилась: – …в своей спальне. Возможно, лучше ещё раз заглянуть зав… – Китти снова осеклась. – Заглянете, когда она вас снова вызовет? Будьте уверены, я передам, что вы честно исполнили долг.

Доктор Снеллинг пристально посмотрел на Китти сверху вниз сквозь очки в золотой оправе, вздохнул, попробовал по-отечески улыбнуться, но тщетно. Он погладил её по голове, распрямляя локоны.

– Милая барышня, я отлично понимаю, что вы хотите дать отдохнуть своей директрисе, но она моя пациентка и попросила обследовать её именно сегодня, поэтому мне нужно осмотреть больную. Не провожайте, я знаю дорогу.

С этими словами доктор решительно протиснулся мимо Китти и скрылся во мраке.

Китти бросилась следом, на ходу пытаясь сочинить новый план. Она всегда гордилась умением их придумывать. Но на данный момент плана не существовало, поэтому пришлось импровизировать. Импровизация Китти раздражала. Она промчалась через кабинет, подбежала к двери, ведущей на кухню и в кладовую, и увидела, как доктор Снеллинг входит в заднюю комнату на первом этаже, которую миссис Плакетт переоборудовала в спальню.

Тут Китти перехватила Крепышка Элис с чашкой чая, от которой всё ещё шёл пар. Со времени чаепития прошло всего несколько минут, но сейчас они казались Китти вечностью.

– Держи, может быть, тебе это пригодится, – предложила Элис.

Глаза Невозмутимой Китти вспыхнули, она схватила чашку.

– Ты гений, Элис! Идём!

Девушки вошли в комнату мёртвой директрисы. Тело миссис Плакетт вытянулось на кровати под натянутым до груди одеялом. Казалось, будто директриса просто спит. От этого зрелища Китти содрогнулась. В мерцающем свете единственной свечи миссис Плакетт и вправду смахивала на человека, решившего отдохнуть. Пламя колебалось словно в такт дыханию. Портрет маслом усопшего капитана Мартина Плакетта, с которым покойная имела привычку разговаривать, будто тот мог ей ответить, хмуро наблюдал за спектаклем, что разыгрывался перед его глазами, отказываясь верить в этот фарс.

Поставив на столик у кровати чёрный кожаный саквояж, доктор достал перчатки и стетоскоп.

– Не желаете ли чаю? – вежливо предложила Китти, протягивая чашку.

– Весьма любезно с вашей стороны, – хмыкнул доктор Снеллинг, прижимая головку стетоскопа к груди миссис Плакетт, – но сейчас на это нет времени.

В ответ Китти придвинула чашку к свободной руке эскулапа.

– Сахару? – Горячий чай выплеснулся на незадачливого гостя.

– Ай!

– Извините, бога ради, мне так жаль, – промурлыкала Китти.

– Да вы меня ошпарили!

Китти притворно сконфузилась. Чем ни пожертвуешь ради дела – даже репутацией блестяще организованной леди.

– Экая я неуклюжая. Прошу прощения. Миссис Плакетт велела всегда предлагать гостю чай второй раз, если в первый он отказался из вежливости.

Доктор Снеллинг раздражённо фыркнул. Невозмутимая Китти остатками чая окропила его сюртук, точно святой водой.

В комнату проскользнула Рябая Луиза и встала рядом.

– Позвольте присутствовать, доктор Снеллинг? – спокойно осведомилась она. – Я бы с удовольствием понаблюдала, как вы осматриваете тело.

Снеллинг от неожиданности подпрыгнул.

– Тело?!

– Разумеется. – Луиза и глазом не моргнула. – Вы же доктор и осматриваете тела больных, верно?

– Да, но не в присутствии любознательных школьниц. Сколько вам, девять?

– Двенадцать! – гордо сообщила Луиза.

– Хм, – невнятно пробормотал доктор и вставил наконечники стетоскопа в уши.

Китти задержала дыхание. Началось. Пара секунд – и всё откроется. Внезапно Китти посетила идея, и она многозначительно пошевелила бровями, глядя на Крепышку Элис. Та секунду озадаченно таращилась в ответ, но потом уловила намёк, встала прямо за спиной доктора и громко запыхтела.

Доктор нахмурился и убрал стетоскоп. Элис быстро отпрянула назад, а Снеллинг принялся постукивать ушными наконечниками по ладони.

– Странно. Я её слышу, но не совсем… Может, пора почистить или отремонтировать…

Внезапно он повернулся, обнаружил у себя за спиной затаившуюся Элис и от удивления разинул рот. Та, не зная, что придумать, смиренно сложила руки и потупила взгляд.

У Китти сердце заколотилось в горле. Игра завершена. Идеи кончились. Спектакль настолько абсурден, что и словами не описать. В любой момент доктор догадается. Придётся бесславно отправляться по домам. Начнётся расследование и ужасные допросы. Адмирал Локвуд и преподобный Рамси выступят свидетелями. Китти смотрела на блестящий от испарины лоб доктора и ждала приговора.

Прозвенел дверной звонок.

Над ними нависла погибель, неудача пожаловала на порог, но Китти ничего не оставалось, как принять вызов и довести перформанс до конца. Она точно не знала, участвовал ли кто-то из её предков в битве при Гастингсе, но все Хитоны обладали железной волей. Китти и не думала сдаваться из-за дурацкого звонка.

В спальню заглянули Глупышка Марта, Душечка Роберта и Беспутная Мэри-Джейн.

– Мы посмотрим, кто там, – объявила Роберта.

– Спору нет, очередные гости пожаловали, – сказала Китти. – Думаю, раз миссис Плакетт нездоровится, лучше всё отменить. Не хотелось бы никого заразить. Будьте добры, попросите вновь прибывших заглянуть как-нибудь в другой раз.

Девушки понимающе кивнули и исчезли.

– О, бросьте, печёночные хвори не заразны, – раздражённо пробурчал доктор Снеллинг. – И, будьте добры, прекратите этот гвалт!

– Вы уверены, что заболевания печени не передаются, доктор? – осведомилась Рябая Луиза. – В брошюре Королевского научного общества я читала про бактерий. До чего увлекательное чтиво! Бактерии окружают нас повсюду, их нельзя увидеть – они совсем крошечные, питаются прямо нашими организмами и разносят заразу, как… Как заразу!

– Если у человека болит печень, дело отнюдь не в бактериях, а в слабой печени. – Доктор Снеллинг погрозил пальцем прямо перед носом у Луизы. – Мне дела нет, что за брошюру вам удалось раздобыть. Эти бумагомараки из Королевского научного только и знают, что околачиваться в лабораториях да хлебать шампанское. Если хотите заниматься наукой, обратитесь к фактам, старой доброй проверенной медицине.

Рябая Луиза вытащила из кармана записную книжку и карандаш.

– Совершенно с вами согласна, доктор. Так приятно побеседовать с настоящим учёным. Полагаю, вы не знакомы с моим дядей, доктором Мэтью Дадли, великим лондонским хирургом?

– Нет, не знаю я вашего проклятого дядю! Не могли бы вы выйти вон и оставить…

– Ну да бог с этими родственниками. – Рябая Луиза вела себя так, будто не слышала возмущённой отповеди. – Так где же мне отыскать серьёзную литературу о заболеваниях печени?

Пока шла научная дискуссия, Невозмутимая Китти толкнула локтем Крепышку Элис и прошептала:

– Где Элинор?

– Там. – Элис указала на платяной шкаф.

У Китти отвисла челюсть.

– Хочешь сказать…

– Именно, – подтвердила Элис. – С мистером Годдингом. Иначе он там находиться отказывался.

Глава 3

Глупышка Марта распахнула парадную дверь. За ней стояла мисс Летиция Фрингл, старая дева и регентша местного хора. Дама опиралась на полированную дубовую трость.

– Мисс Фрингл! – с искренним восторгом вскричала Душечка Роберта. – Как славно, что вы к нам заглянули. Входите же… Ох!

Беспутная Мэри-Джейн с силой наступила на ногу Роберте. Милые непосредственные порывы последней иногда становились для окружающих тем ещё испытанием, особенно когда полностью затмевали ей разум. Никакая сила на белом свете не способна изгнать пронырливую мисс Фрингл из дома, куда её имели неосторожность пригласить. Было у этой леди нечто общее с вампирами.

– Добрый вечер, девочки, – прищурилась мисс Фрингл, покачнувшись на брусчатке. – Я на день рождения! Принесла наливку из бузины и ревеневый пирог. И захватила с собой ноты, что обещала вашей директрисе. Патриция Рамси говорит, Констанс намеревается петь в среду на приёме, а я утверждаю, ей необходимо разрабатывать голос.

– Мне очень жаль, мисс Фрингл, – извинилась Мэри-Джейн. – Миссис Плакетт захворала и уже отправилась спать.

– Вздор, – возразила мисс Фрингл. – Она пригласила меня на праздник, и я пришла. Моя племянница с этим пирогом возилась весь день. Кстати, а где брат миссис Плакетт? К чему она вообще затеяла сюрприз, ума не приложу! От сюрпризов может случиться сердечный приступ. Ну да не важно. Идёмте в дом. Если ей нездоровится, я её поддержу.

– Думаю, лучше к ней не ходить, – не отступала Мэри-Джейн. – Не то простуду подхватите.

– Которая из вас говорит? В сумерках ничего не разобрать. – Госпожа регентша всмотрелась в каждую из девушек по очереди, в конце концов обратившись к Мэри-Джейн: – Ах, вот кто – одна из красоток. Чересчур красива, как по мне, а это прямой путь к тщеславию. Я бы предпочла добропорядочную простушку, вот как эта, например. – Она указала на Глупышку Марту, и та оскорблённо ахнула. – Фринглы не подвержены простуде, – заявила регентша. – Прочь с дороги, девушки! – И зашагала по коридору, постукивая тростью. – Как у вас обстоят дела со скатертью для приёма? Барышни из школы миссис Ашер уже справились. Прекрасная работа!

Мэри-Джейн пренебрежительно фыркнула. Может, барышни Ашер и хорошо вышивали, но совершенно не владели чувством стиля.

– Что же делать? – прошептала Глупышке Марте Душечка Роберта. – Мисс Фрингл никак нельзя впускать.

– Тогда надо её остановить.

Недолго думая, Марта ринулась вперёд и врезалась прямо в гостью, выбив у той из руки трость.

– Марта! – потрясённо ахнула Мэри-Джейн.

Мисс Фрингл взвизгнула и закачалась, словно парусник в бурю. Марта подхватила регентшу, не дав упасть.

– Моя лодыжка! – заверещала старушка. – Вредители! Хулиганы! Моя несчастная лодыжка!

Из спальни выглянул доктор Снеллинг:

– Что стряслось? Мисс Фрингл, что вы здесь делаете?

– Подвергаюсь нападению этой тупицы! – взревела пострадавшая. – Вы! Как вас зовут?

– Марта, мисс Фрингл, – покорно ответила та. – Прошлой осенью на вашем сольном концерте я играла на фортепиано.

– Тогда, следует полагать, вас научили не носиться галопом, как дикарка. Доктор, просто божье провидение, что вы здесь. Будьте добры, помогите мне добраться до дивана в кабинете и осмотрите лодыжку. Констанс потерпит ради меня немного.

Мисс Фрингл высвободилась из объятий Марты, кляня ту на все лады и немилосердно выкручивая ей ухо. Потом, словно испуганная девица, вверила себя под рыцарскую опеку доктора Снеллинга. Тот сопроводил даму в кабинет, попросив девочек принести его саквояж. Адмирал Локвуд и преподобный Рамси вскочили на ноги и принялись наперебой давать советы. Адмирал потребовал наложить шину, а преподобный провозгласил, что для поправки здоровья как нельзя лучше подойдёт бузиновая наливка из корзинки мисс Фрингл.

В спальне Невозмутимая Китти взяла саквояж доктора Снеллинга.

– Спасите Элинор, если сможете, – шепнула она Крепышке Элис, затем покинула комнату с трупами и отправилась в кабинет.

Беспутная Мэри-Джейн догнала в коридоре Душечку Роберту и Глупышку Марту.

– Марта, о чём ты думала, пытаясь таким способом остановить бедняжку мисс Фрингл? – возмутилась Мэри-Джейн. – И всё за то, что она назвала тебя простушкой! У дам её возраста кости хрупкие, точно яичная скорлупа. Ты ведь чуть её не прикончила! Пришлось бы избавляться уже от трёх покойников.

Глаза Глупышки Марты налились слезами.

– Я сделала это не потому, что она назвала меня простушкой, – шмыгнула она носом. – Китти сказала не дать ей войти. Я пыталась помочь, только и всего. Это всё Роберта – она её пригласила.

Глаза Роберты тоже покраснели.

– На дворе ночь! Как же мы могли прогнать бедную старую леди?

– Любопытную старую крысу! – вскричала Мэри-Джейн, посмотрела на парочку кающихся грешниц, вздохнула и взяла их под руки. – Ладно, птички мои, – успокоила она. – Простите, что рассердилась. Пришёл час испытаний, и мы все по-своему стараемся.

Она завела обеих в спальню к остальным девочкам и Мрачной Элинор. Последняя выглядела так, будто танцевала кадриль с самой Смертью перед тем, как наконец выбраться из шкафа, покинув там тело мистера Годдинга.

Крепышка Элис стряхнула с платья Элинор пыль.

– Как ты себя чувствуешь?

– Превосходно! – бодро отозвалась та. – Для мертвеца мистер Годдинг в удивительной форме.

Лицо Душечки Роберты приобрело зеленоватый оттенок.

– Хочешь сказать, ты встречала других мертвецов?

– О! Не принимай близко к сердцу! – воскликнула Крепышка Элис. – Каков наш план? Нам нужен план, и поскорее.

– Они должны уйти, – заявила Невозмутимая Китти. – Не важно каким образом, но доктор Снеллинг, мисс Фрингл, преподобный Рамси и адмирал Локвуд должны исчезнуть.

– Я знаю, где достать верёвку, – предложила Мрачная Элинор.

– Боже, ну не так же! – возмутилась Китти. – Давайте действовать с умом.

– Думаю, просто не надо их сюда пускать, – осмелилась предложить Рябая Луиза. – Вход воспрещён, и точка.

– Не очень-то похоже на план, – вздохнула Беспутная Мэри-Джейн.

– Курлы-курлы…

– Что это? – охнула Душечка Роберта.

Барышни замерли. Откуда бы ни происходил звук, казалось, доносился он снаружи.

– Курлы-курлы!

– Голубь или голубка? – предположила Глупышка Марта.

– Чушь, – отрезала Крепышка Элис. – Голубка воркует, а не курлыкает. Это человек. Где-то за окном, в саду.

– Генри Баттс, наверное, – кивнула Беспутная Мэри-Джейн. – Вечно ведёт себя как идиот, лишь бы я на него внимание обратила. Будто меня это волнует! Очень в духе батрака.

– Он не батрак, а сын фермера, – поправила Глупышка Марта.

– Невелика разница, – возразила Мэри-Джейн. – У обоих сапоги смердят навозом, а в волосах солома.

Невозмутимая Китти заметила, что повестка собрания в опасности, а у неё по поводу повесток имелись твёрдые убеждения.

– Забудьте о Генри. Нужно расстроить пирушку. Гости непременно пожелают узнать, где хозяйка и именинник. Надо придумать, что отвечать.

– Да, но имей в виду: когда все уйдут и придёт время хоронить миссис Плакетт и мистера Годдинга, мы должны сначала удостовериться, что поблизости не болтаются никакие Генри Баттсы, – предупредила Крепышка Элис.

Барышни поспешили обратно в кабинет, где доктор Снеллинг как раз заканчивал бинтовать пострадавшую лодыжку мисс Фрингл. Он бы справился намного раньше, если бы старушка не дёргалась, не стонала и не дрожала от малейшего прикосновения к её затянутой в чулок ноге. Спектакль удался на славу, но доктор Снеллинг, старый медицинский служака, кажется, абсолютно им не впечатлился.

– Лёгкое растяжение, и всё, – постановил он. – Денёк-другой поносите повязку. Но сегодня на эту ногу ступать нельзя. Вам придётся остаться на ночь в пансионе, пока утром за вами кто-нибудь не приедет.

– Могу отвезти вас в своей двуколке, – предложил адмирал Локвуд, благонравно отводя глаза от несчастной лодыжки мисс Фрингл.

– В такой поздний час? Благодарю покорно. – Мисс Фрингл вытянула носочек, любуясь повязкой. Мрачная Элинор могла бы поклясться, что зрелище гостью радовало. – Я всё же заночую здесь и вернусь домой утром.

Земля в очередной раз ушла из-под ног Китти.

Спокойно, сказала она себе.

Настало время вмешаться. Китти срочно требовался план, поэтому она прямо на месте его состряпала, обдумала, провозгласила подходящим и решила привести в исполнение. Соображала она всегда быстро, самый изворотливый член парламента ей в этом и в подмётки не годился.

– Позвольте вмешаться, – произнесла она чистым, твёрдым голосом.

Взрослые замолчали и удивлённо на неё воззрились. Губы преподобного Рамси стали бордовыми от портвейна, а у адмирала Локвуда по всей груди рассыпались крошки. Каким-то образом это придало Китти уверенности. Вспомнив, как её отец обращался к совету директоров своей компании, Китти собрала волю в кулак.

– Благодарю, что пришли на день рождения мистера Годдинга по приглашению миссис Плакетт, – обратилась она к присутствующим. – Сегодня днём, после посещения церкви, миссис Плакетт и мистер Годдинг получили тревожное известие от своей семьи из Индии. Мистер Годдинг немедленно отбыл в Лондон покупать билет на пароход, а миссис Плакетт так беспокоилась за брата, что от переживаний слегла. – Краем глаза Китти отметила хмурый взгляд доктора Снеллинга. Казалось, он так и кричал: «Больная печень!» – Потрясение вкупе с без того слабым здоровьем её подкосили. Уверена, она поправится через день или… неделю.

– А что за тревожное известие? – осведомился викарий. – Кто-то отошёл в мир иной?

«Даже двое, – подумала Китти, – но не те, о ком вы думаете».

Она помедлила. Как-то мимоходом Китти слышала от директрисы и её брата имя родственника из Индии. Как бишь его там?…

– Это… был…

– Заклинаю, только не говорите, что Джулиус, – потрясённо прошептала мисс Фрингл. – Бедное дитя!

– Джулиус, – решительно подтвердила Китти. – Да, бедный малыш. Доктора серьёзно тревожатся за его здоровье.

– Что с ним? – поинтересовался доктор Снеллинг.

Китти нашла глазами Рябую Луизу и беззвучно шепнула одними губами: «Помоги!»

– У него… пнев…

– Малярия, – ввернула Рябая Луиза.

– Пневмария? – удивился адмирал Локвуд.

– Малярия, – категорично отрезала Невозмутимая Китти.

Адмирал Локвуд закупорил портвейн.

– Дрянь дело, – провозгласил он. – Я видел, как моряки мёрли от неё словно мухи.

– Будем молиться и надеяться, что мистер Годдинг не подхватит дорогой заразу, – торжественно сказал преподобный Рамси. – Порой он злоупотреблял выпивкой, а это ослабляет организм.

– Миссис Плакетт горячо молится о здоровье брата, – заверила Китти.

Доктор Снеллинг скептически покачал головой.

– Не подумал бы, что Олдос Годдинг из тех, кто способен отправиться на край света к постели больного ребёнка.

– Может, он обрадовался поводу сбежать от кредиторов, – хихикнула мисс Фрингл.

– У кредиторов имеются свои способы отыскать должников и их денежки, – фыркнул доктор Снеллинг.

Китти предпочла пропустить мимо ушей размышления об Олдосе Годдинге, ныне пребывающем на том свете. Она придумала версию и твёрдо намеревалась её придерживаться.

– Какими бы ни были причины, мистер Годдинг действительно уехал, а миссис Плакетт… ужасно этим огорчена. Пожалуйста, простите, она не смогла поприветствовать вас лично. Большое спасибо, что пришли.

Преподобный Рамси и адмирал Локвуд подкрепились печеньем и ревеневым пирогом, затем вместе вышли, весьма галантно по очереди поцеловав руку мисс Фрингл. Начальница хора купалась во внимании.

– Юная леди! – Адмирал Локвуд заглянул обратно и поманил Невозмутимую Китти.

Та приблизилась. Адмирал отступил назад, чтобы никто не мог подсмотреть или подслушать, вытащил из кармана френча маленький свёрток и вручил его Китти. Свёрток оказался неожиданно тяжёлый, размером примерно шесть на четыре дюйма, упакованый в обёрточную бумагу и немного неаккуратно, словно старческими трясущимися руками, перетянутый шпагатом.

– Для вашей директрисы, – сказал Локвуд. – Обязательно передайте ей, хорошо?

Китти взяла свёрток и кивнула.

– Вручу, как только она проснётся. – Что ж, по сути, даже не сильно солгала.

Адмирал второй раз за вечер погладил её по голове, распрямляя локоны.

– Славная деточка.

И вышел.

Китти одолела любопытство, уложила свёрток в ящик комода, что стоял в передней, и вернулась к остальным. Мисс Фрингл уже нетерпеливо стучала по полу тростью.

– Очень хорошо, девочки. Проводите-ка меня в спальню директрисы.

Душечка Роберта громко закашлялась. Доктор Снеллинг энергично похлопал её по спине.

– Миссис Плакетт уже в постели, – завела Невозмутимая Китти.

– И мирно спит, – добавила Крепышка Элис.

– Ей нездоровится, – продолжила Мрачная Элинор.

– А лучшего лекарства, чем сон, не существует, – поддержала Невозмутимая Китти, нервно поглядывая на Снеллинга.

– Мы с удовольствием поможем вам подняться в комнату наверху, – предложила Беспутная Мэри-Джейн.

– Уже помогли, благодарю покорно, – воспротивилась мисс Фрингл. – Нет, по лестнице взбираться я не рискну. Комната Констанс отлично подойдёт. Я довольствуюсь малым. Когда они поженились, капитан Плакетт приобрел кровать намного больше необходимого, но я всегда считала его транжирой. Так что места хватит для двоих. – Она сделала паузу и заговорила тише, будто сообщая какой-то секрет: – Капитан Плакетт купил жене чересчур большой дом, а потом скончался, и Констанс пришлось набирать учениц, чтобы платить за его содержание.

Доктор Снеллинг многозначительно кашлянул.

– Если не проявите благоразумие, мисс Фрингл, и не дадите лодыжке немного покоя, я велю вашей очаровательной племяннице конфисковать ваши туфли, тем самым приковав вас к постели. Что же до транжирства, я недавно слышал о заграничных капиталах капитана Плакетта. Средств для безбедной жизни он оставил более чем достаточно.

– Тьфу, какие капиталы? – фыркнула мисс Фрингл. – Уж я бы о них знала.

Девочки, переглянувшись, молча с ней согласились. Уж они-то доподлинно знали о прижимистости и скупости директрисы! Хлеб насущный они ели на средства миссис Плакетт и видели, как отчаянно та старалась на всём экономить. Ни о каком состоянии и речи не было.

Доктор Снеллинг пожал плечами:

– Возможно, пустая болтовня. – Он собрал инструменты в саквояж и бросил взгляд на свои золотые часы. – Больше ничем не могу помочь, мисс Фрингл. Если не уйду прямо сейчас, Молли Бенион успеет родить и отнять ребёнка от груди, а я останусь без гонорара. Говорите, миссис Плакетт крепко спит… Оставлю ей порошок, на случай, если она проснётся и снова разволнуется. Проследите, чтобы она его приняла, ясно, юные леди?

Все семеро дружно кивнули в ответ.

– Будет спать как убитая, – заверила Мрачная Элинор.

Беспутная Мэри-Джейн ущипнула её так, чтобы никто не видел.

Мисс Фрингл, услышав замечание Элинор, прищурилась, заставив Китти поволноваться, но старая дева лишь сказала:

– Выпрямитесь, моя девочка. Осанка – это всё, а у вас спина, как у верблюда.

– Доброй ночи, леди, – распрощался доктор и направился к двери. – Вернусь утром.

Дверь за эскулапом захлопнулась, и барышни остались наедине с мисс Фрингл.

– Ну? – Она ещё раз стукнула тростью. – Кто-нибудь, помогите-ка мне подняться. Только не вы. – Регентша смерила гневным взором Глупышку Марту.

Невозмутимая Китти крепко стиснула пакетик со снотворным. У неё забрезжила идея.

– Потерпите чуть-чуть, мисс Фрингл, – попросила она. – Сначала позвольте развести в комнате миссис Плакетт огонь. Не хотелось бы, чтобы нечто холодное нарушило ваш сон. Ой, то есть, я хотела сказать, ночная прохлада. Или холод простыней.

«Или хладный труп», – так и крутилось у неё на языке.

Рябая Луиза с тревогой посмотрела на Китти.

– Может, лучше сначала мне туда пойти и немного прибраться? Я оставила там… свою книгу. Когда… читала для миссис Плакетт.

Крепышка Элис и Беспутная Мэри-Джейн резко повернули головы в сторону комнаты директрисы.

– Не стоит, – широко улыбнулась Невозмутимая Китти, наслаждаясь устремлёнными на неё полными ужаса взглядами. – Мисс Фрингл знает, что ей придётся делить ложе с миссис Плакетт. – Она надеялась, что подруги поймут намек: нельзя переносить миссис Плакетт сейчас, иначе придётся как-то объяснять её отсутствие. – Дамам будет вполне уютно, как только мы разведём огонь. А пока, мисс Фрингл, позвольте заметить, вы ведь ужасно разволновались после такой травмы. Разрешите принести вам чашечку успокоительного чая с ромашкой.

– Не нуждаюсь в успокоении, – рявкнула регентша. – Всегда сплю как агнец. Полчаса – и я уже в объятиях Морфея.

– Великолепно, – обрадовалась Китти. – А вы знали, что в прошлом году в Нортгемптоне ромашка миссис Плакетт завоевала приз Женского Совета по домоводству?

– Что она вообще забыла в Нортгемптоне? – прищурилась мисс Фрингл. – Кембридж недостаточно для неё хорош?

– Просто там огромный спрос на её призовую ромашку. – Китти улыбнулась. – Никуда не уходите! Мигом обернусь, одна нога здесь, другая там.

Остальные барышни последовали за ней на кухню. Дождавшись всех, они заперли дверь. Китти разворошила угли в печи, чтобы подогреть воду для ромашкового чая мисс Фрингл.

– Я думала, она не хочет чая, – заметила Глупышка Марта.

– Да у неё прямо свербело, так хотелось его попробовать после того, как Китти насочиняла про этот вздорный приз, – возразила Беспутная Мэри-Джейн. – Замечательная идея, дорогая.

– Но зачем? – удивилась Душечка Роберта. – Зачем вся эта суета с чаем?

– Разумеется, чтобы напоить нашу гостью снотворным. – Рябая Луиза выудила пакетик из кармана Китти и ознакомилась с дозировкой, предписанной доктором Снеллингом. – Только не переборщи с порошком для старушки, не то придётся разбираться с очередным трупом.

– Да и церковь Святой Марии без своего хора будет совсем не та, – загрустила Душечка Роберта.

– Мисс Фрингл пока ещё жива, – заметила Мрачная Элинор.

Крепышка Элис рухнула на стул.

– Именинный вечер! Малыш Джулиус! Что дальше?

– Чепуха. Ничего особенного. – Чрезвычайно гордясь собой, Невозмутимая Китти погладила Элис по голове.

Какой гениальный ход – придумать поездку в Индию. На время о брате директрисы забудут. А с этой заразой – пневмарией, или дифтифом, или малонией (Китти почти решила уделять больше внимания естествознанию – ой, погодите! – а ведь отныне не будет никакого естествознания, никогда), они могут запросто покончить с Олдосом Годдингом на веки вечные! Если леди из пансиона Святой Этельдреды переживут сию кошмарную ночь, то смогут преодолеть что угодно.

– Элинор, разведи пожарче огонь в спальне, пожалуйста, да, пожарче, – попросила Китти. – Пусть воздух как следует прогреется, тогда мисс Фрингл не станет прижиматься к холодному трупу в поисках тепла.

– Но в свете камина она лучше разглядит миссис Плакетт, – предупредила Мэри-Джейн.

– Нет, если мы стащим её очки, когда будем укладывать в кровать, – парировала Невозмутимая Китти. – Нам нужно, чтобы она увидела миссис Плакетт. Чтобы поверила, будто спит с живой директрисой. Ночью, когда огонь погаснет и мисс Фрингл лишится от снотворного чувств, мы совершим подмену и вынесем труп.

– Подмену? – заинтересовалась Крепышка Элис. – И чем мы заменим тело миссис Плакетт? Чучелом?

Невозмутимая Китти молча смерила взглядом Крепышку Элис. Та, заподозрив беду, отпрянула назад.

– О нет, Кит. Ты этого не сделаешь!

Невозмутимая Китти обхватила ладонями лицо Крепышки Элис и легонько поцеловала её в лоб.

– Не чучелом, дорогая, – сказала она. – Прости, но ты для этого дела подходишь лучше всех. Мы заменим нашу дорогую почившую директрису тобой.

Глава 4

Крепышка Элис упёрла руки в боки и вздохнула.

– Что ж, я сама виновата.

– Ты идеально подходишь, – ласково обратилась к ней Невозмутимая Китти. – Прирождённая актриса! На прошлое Рождество, когда мы ставили трагедию…

– Притворяться спящей не то же самое, что играть леди Макбет, – возразила Крепышка Элис. – Ни к чему так распинаться. Я идеально подхожу, потому что мне подходит одежда миссис Плакетт. У меня даже такой же кошмарный двойной подбородок. – Элис заставила себя собраться с духом. – Не важно. Поищу-ка лучше её ночную сорочку и чепец и постараюсь не думать, что у меня фигура шестидесятилетней женщины.

– Твоя фигура намного лучше, – крикнула ей вслед Рябая Луиза, но Элис не обернулась.

Мрачная Элинор улизнула развести огонь в спальне.

– Вот. – Рябая Луиза вручила Невозмутимой Китти чашку чая. – Отлично заваренная ромашка пополам со снотворным. Мисс Фрингл мигом захрапит как полковая лошадь. Пойду наведу порядок в столовой, а то посуда с обеда всё ещё не убрана.

Глупышка Марта потянулась и зевнула.

– Я до смерти устала. Ой! Грех сегодня такое говорить… – Она плеснула из чайника горячей воды в лохань. – Лучше помою посуду, чтобы мы все могли отправиться спать.

– Не стоит, Марта, – возразила Беспутная Мэри-Джейн. – Ты сегодня готовила, так что мою я. Отдыхай.

Глупышка Марта устремила на неё полные обожания глаза:

– Правда? Большое спасибо. Буду тебе должна!

– Ничегошеньки ты мне не должна, моя мышка. Отправляйся спать. Ты тоже, Роберта. Доброй ночи.

Обе подруги удалились вверх по лестнице.

Невозмутимая Китти одарила Беспутную Мэри-Джейн долгим взглядом.

– Как мило с твоей стороны.

Покачав головой, Мэри-Джейн наскребла мыла на посудную щётку.

– Это моя епитимья, наказание. Я же на них накинулась, когда они впустили мисс Фрингл, а затем поставили ей подножку.

Китти рассмеялась и притворила заслонку печи на ночь.

– Нам повезло, что они это сделали. Девочки спасли наши шкуры. Доктор Снеллинг едва не догадался, что миссис Плакетт больше нет с нами.

– Благослови Господь бедняжку Марту, – сказала Мэри-Джейн. – Кажется, для приготовления обеда она использовала всю посуду в доме. Эту миску для бобов, а ту – для картошки. Ещё одну для вареного лука, а для телятины целых три жаровни! Противень и… эти сковородки. Крошечные, прямо как кукольные.

– Марта сама как кукла. Хорошенькая и…

– Совершенно бестолковая.

– Ш-ш!

– Ты первая начала, – ухмыльнулась Беспутная Мэри-Джейн. – А мисс Фрингл сегодня обозвала её простушкой.

– Ну и наглость! – вскричала Китти. – Подожди. До или после того, как Марта сбила её? Впрочем, не важно. Не отвечай.

Она схватила чайную чашку и направилась в гостиную к неугомонной мисс Фрингл.

– Отчего так долго? – возмутилась та. – Констанс Плакетт никогда бы не заставила пострадавшего гостя столько ждать.

Китти улыбнулась во весь рот.

«Обругали Марту простушкой, мадам?»

– Приношу извинения, мисс Фрингл. Мы прогревали комнату и готовили чай. Почему бы вам не выпить чашечку? А потом я провожу вас к миссис Плакетт.

– Нет надобности! Мне лишь нужно на кого-то опереться после того, как эта идиотка сшибла меня с ног. – Мисс Фрингл сделала основательный глоток ромашкового чая и задумчиво причмокнула. – Первый приз в Нортгемптоне, говорите? Ну и странные у них предпочтения! Чай явно горчит.

– Возможно, в Нортгемптоне жизнь горька, – предположила Китти, – вот чай и пришёлся им по вкусу.

– Николько не удивлюсь.

Китти помогла мисс Фрингл подняться и осторожно повела её в спальню. Уже подходя к кровати, Китти заметила на туалетном столике миссис Плакетт блюдце китайского фарфора, на котором лежали несколько комков ваты. Тут-то её и настиг один из приливов вдохновения, которыми Китти так гордилась.

– Держите, мисс Фрингл, – сказала она, вручая регентше пару кусочков. – Это вам для ушей. Миссис Плакетт, по правде говоря, спит довольно шумно.

Мисс Фрингл примостилась на краешке кровати.

– Вот ещё, умница выискалась. Помогите-ка мне с ботинками. – А сама вытянула шею, вглядываясь в директрису. – Вообще-то она довольно тихо себя ведёт.

– Она всегда начинает храпеть после полуночи, – объяснила Китти.

– Храпеть! Ненавижу храпунов. От храпа моего отца, упокой Господь его душу, бывало, даже крыша дрожала. – Гостья заткнула уши ватой. – Вот одна из причин, почему я, благодарение Господу, никогда не выходила замуж. – Она глубоко зевнула. Веки у неё начали закрываться. – Боже милосердный, как я устала. Должно быть, меня потрясло гнусное нападение…

Китти улыбнулась, наблюдая, как снотворное одерживает верх. Впрочем, даже если лекарство не подействует, вата в ушах не даст старой склочнице проснуться, когда они начнут перетаскивать труп.

– Давайте я уберу ваши очки? – предложила Китти.

Мисс Фрингл тут же ей их протянула.

– Только положи поблизости, чтобы ночью я могла дотянуться, – предупредила она. – Я без них ничего не вижу.

– Конечно, – промурлыкала Невозмутимая Китти, убрав очки себе в карман. – Они будут прямо здесь, на тумбочке.

Подождав, пока старушка, уже в полусне, удобно устроится в кровати, Китти потушила лампы и пожелала ей спокойной ночи.

Остальных девочек, кроме Душечки Роберты и Глупышки Марты, уже отправившихся в свою комнату, Китти нашла в кабинете. Беспутная Мэри-Джейн, Рябая Луиза и Мрачная Элинор переоделись в ночные рубашки, а бедняжке Элис пришлось взять сорочку миссис Плакетт. Элис сидела сгорбившись и опустив подбородок, в точности как их бывшая директриса.

– Прямо копия миссис Плакетт! – хихикнула Рябая Луиза. – У тебя и правда талант, Элис.

– Живо в кровать, мисс Дадли, – проворчала Элис, подражая сердитому голосу мадам. – Помните, красота – сокровище, к которому должна стремиться каждая барышня, в особенности вы, мисс Дадли, а залог красоты в полноценном отдыхе.

Луиза засмеялась.

– Я так устала от того, что она то и дело придиралась к моему лицу. Да разве учёного волнует, в оспинах у него кожа или нет? – Вдруг она забеспокоилась. – Ты ведь не всерьёз, правда? Насчёт кровати… Потому что теперь я могу бодрствовать наравне с вами, если захочу!

Крепышка Элис пренебрегла замечанием и угрюмо поскребла плечо.

Беспутная Мэри-Джейн содрогнулась.

– Бр-р, эта её жуткая чесотка! Чудо, что какой-то мужчина вообще захотел на ней жениться.

– Может, капитан тоже страдал чем-то подобным, – предположила Мрачная Элинор. – Моряки вечно подхватывают от крыс блох. Может, они чесали друг друга…

– Курлы-курлы!

Девочки уставились в тёмное окно на сад, откуда донёсся звук.

– Утром Генри Баттс получит от меня на орехи, – рассердилась Беспутная Мэри-Джейн.

– Думаю, первое, что нам следует сделать в нашей самостоятельной жизни, – завести бульдога, – постановила Крепышка Элис. – Такого, что будет отпугивать фермерских мальчишек да незваных гостей и кусать полицейских.

– Только если полицейскиие несимпатичные! – возразила Мэри-Джейн.

– А вдруг там не Генри Баттс? – предположила Мрачная Элинор. – Вдруг это кто-то со зловещими намерениями?

Беспутная Мэри-Джейн принялась расплетать косы.

– Тогда они не тратили бы время на дурацкое курлыканье.

Крепышка Элис покачала головой:

– До сих пор не могу поверить. Убийства. Целых два, и прямо у нас под носом.

– Знаю, – возбуждённо задрожала Мрачная Элинор. – Разве не поразительно?

Крепышка Элис с отвращением фыркнула. Потом принюхалась и подтянула к носу отворот ночнушки директрисы.

– Фу. Пахнет миссис Плакетт. Словно она целый день проторчала на грядках.

– Не унывай, – подбодрила её Невозмутимая Китти. – К завтрашнему дню миссис Плакетт и её запах навеки упокоятся в саду. А одежду перестираем.

– Не стоит ли нам с Луизой сначала произвести вскрытие? – предложила Мрачная Элинор. – Я вскрою трупы, а Луиза исследует образцы.

Беспутная Мэри-Джейн схватилась за сердце.

– Господи, Элинор! Порой ты заходишь слишком далеко. Вскрыть трупы? Даже Противная Констанс и её мерзкий братец архидьявол Олдос заслуживают хоть какого-то уважения перед тем, как обрести вечный покой. Разрезать их, чтобы найти… Что?! Кинжалы у них в животах?

В тёмных, прикрытых тяжёлыми веками глазах Мрачной Элинор промелькнул дикий блеск.

– Яд, – пояснила она. – Когда тела похоронят в саду, самые важные улики будут утрачены навсегда.

Рябая Луиза внезапно выпрямилась.

– О! Да что же это я?

Все уставились на неё.

– Не знаю, дорогая. А что? – осведомилась Невозмутимая Китти.

– Яд. Улики. Конечно, конечно! – Луиза лихорадочно стиснула подлокотники кресла. – Еда. Когда мы убирали посуду, что сделали с едой?

– Как обычно, выбросили в чан с отходами, – ответила Беспутная Мэри-Джейн. – Успокойся, малышка Луиза. Я отнесла всё на компостную кучу, пока Китти поила чаем мисс Фрингл.

– Бежим! – вскочила Луиза. – Нельзя терять ни минуты!

Она схватила свечу, зажгла её от уголька в камине и бросилась вниз, на кухню, а оттуда, даже не обуваясь, помчалась на улицу.

Сбитые с толку старшие девушки, тоже взяв свечи, поспешили следом.

Холодный вечерний воздух после сонного тепла дома ошеломлял словно пощёчина. Влажная от росы трава колола босые ноги. Загудели церковные колокола, отбивая десять часов, и девочки испуганно вздрогнули. Внезапно короткая прогулка к компостной куче показалась полной опасностей.

– Берегитесь Генри Баттса, – предупредила Беспутная Мэри-Джейн. – Пусть только попробует полезть с поцелуями, сразу заколю его вилами. – Она призадумалась. – Впрочем, если он хорошо целуется, подожду минуту-другую и потом заколю…

– Хватит глупой болтовни про поцелуи, – пропыхтела Крепышка Элис. – Луиза, мы все ели одно и то же. Тогда мы бы все… Ну конечно. Телятина!

Они замерли, словно призраки во тьме. На бледных лицах и ночнушках заплясал отблеск свечей.

– Телятину готовила Марта, – прошептала Невозмутимая Китти.

– Она бы не стала, – покачала головой Крепышка Элис.

– Она не могла! – вскричала Беспутная Мэри-Джейн.

– А если случайно? – зловеще возразила Мрачная Элинор.

– Ни за что, – настаивала Элис.

– Ну же, – подстегнула Рябая Луиза, – мы должны найти чёртову телятину.

– Фу, там же просто каша из компоста, холодной подливки и склизких бобов. Гадость! – скривилась Беспутная Мэри-Джейн.

Они добрались до компостной кучи за дровяным сараем. Отсюда запахи не доходили до садовых кресел у клумб в солнечном заднем дворике. Из окон кабинета за сарай не проникало ни лучика света, и огоньки свечей еле-еле пронзали густую мглу. Компостная куча казалась размытым пятном гнили, а от смрада едва не выворачивало.

– Так не пойдёт! – воскликнула Невозмутимая Китти. – Я ничего не вижу в этом месиве. Мэри-Джейн, не помнишь, где ты сегодня вывернула чан?

– Не важно. – Рябая Луиза присела на корточки у самого края кучи. Мрачная Элинор сгорбилась рядом с ней. – Мы нашли, что нам нужно.

Подул холодный ветер, погасив несколько свечей.

– Что это? – вскрикнула Невозмутимая Китти и немедленно устыдилась ноток страха в своём голосе.

– Горностай с куском телятины во рту, – с научной беспристрастностью заявила Рябая Луиза. – Я наступила на его мех.

– Дохлый горностай, – добавила важную деталь Мрачная Элинор.

Глава 5

– Бедняжка, – сказала Крепышка Элис, промакивая глаза рукавом сорочки миссис Плакетт.

– Вот ещё, – отрезала Беспутная Мэри-Джейн. – Должно быть, этот самый горностай таскал наших цыплят.

– Правосудие в конце концов настигает всех, – провозгласила Мрачная Элинор.

– Как миссис Плакетт и мистера Годдинга? – уточнила Рябая Луиза.

– Пойдёмте в дом, – настаивала Мэри-Джейн. – Мне дурно, я устала. Ради всего святого, это же просто мерзкая дохлая крыса!

– Никакая не крыса. – Раздвинув горностаю челюсти, Луиза с трудом вытащила у него изо рта кусочек мяса. – Он из семейства куньих.

Оглядев компостную кучу, Луиза собрала остатки осклизлой телятины и завернула в носовой платок. Вся компания поплелась обратно. Единственная зажжённая свеча осталась у Невозмутимой Китти. Вдруг она выбросила руку назад, предостерегая остальных, и быстро задула огонёк.

– Тс-с! Замрите.

Все настороженно замерли. Крепышка Элис задрожала от страха и любопытства: а ну как она забудется и поднимет крик? «Странно, – подумала Элис. – Я не из впечатлительных. Может, это призраки? Вздор. Но тогда что? Что подумает призрак миссис Плакетт, узнав, что я выдаю себя за неё и ношу её одежду? Ещё немного в таком духе, моя дорогая, – пожурила себя Элис, – и тебе прямая дорога в психиатрическую лечебницу».

Девочки всё ещё ждали. Сквозь просвет в толще облаков показался тонкий серп луны. Рябая Луиза вслушивалась в тишину, покуда не зазвенело в ушах. Что же почудилось Китти?

Но тут услышали все. Треск, громкий, как барабанный бой; хруст сломанной ветки. Во тьме что-то двигалось – девочки скорее ощутили, нежели увидели это. Не осталось никаких сомнений: кто-то сломя голову убегал прочь, с шумом продираясь сквозь кусты и заросли ежевики по направлению к ферме Баттса.

Напряжение покинуло девочек, словно песчинки из разбитых песочных часов.

– Это просто глупый Генри, – выдавила Беспутная Мэри-Джейн. – Бояться нечего.

– А если он нас слышал? – прошептала Мрачная Элинор. – Мы ведь тут болтали о смерти!

Невозмутимая Китти в сердцах поддела босой ногой клочок травы. Следовало быть осторожнее! Почему она этого не предусмотрела? Для той, кто взяла всё в свои руки и помнила каждую мелочь, Китти вела себя ужасно небрежно.

– Шаги звучали довольно далеко, – увещевала Крепышка Элис. – Полагаю, можно спокойно считать, что Генри нас не слышал. А если и слышал, наверное, ничего не понял.

– Видите? Говорю же, он глупый, – подтвердила Мэри-Джейн.

– Да я не о том, – отмахнулась Элис. – Просто для того, кто не в курсе событий, наши слова не имеют смысла. Ой, забудьте.

Добравшись до дома, они вошли внутрь. Роса с высокой травы промочила сорочки юных леди до самых колен. Чтобы обсохнуть, девочки несколько минут посидели у камина в кабинете. Никто не произнёс ни звука.

– Что ж, – наконец выдавила Крепышка Элис. – Пора отправляться в кровать к мисс Фрингл. Туда, где несколько часов лежала покойница. Ну, хотя бы выносить её из спальни и прятать придётся не мне! Куда вы денете старушку?

Невозмутимая Китти обрадовалась, что можно хоть на минуту забыть о Генри Баттсе.

– Придумала! – воскликнула она. – Мы отнесём её наверх, в твою постель.

* * *

Рябая Луиза и Мрачная Элинор поднялись в спальню, которую делили на троих с Крепышкой Элис. Та осталась в кабинете, ждать, когда можно будет поменяться местами с телом миссис Плакетт.

Луиза заползла под холодные простыни и обняла колени руками.

– Ты хоть немного переживаешь, Элинор? – спросила она соседку.

Мрачная Элинор медленно расчёсывала длинные пряди чёрных волос.

– Из-за чего?

– Не знаю. Из-за смерти, наверное, – пожала плечами Луиза.

У Элинор в волосах запутался гребень.

– Думаю, нет, – отозвалась она. – Смерти всё равно, переживают о ней или нет. Старуха с косой всегда получает своё.

Рябая Луиза закатила глаза. Иногда разговоры с Элинор выводили её из себя.

– А если убийца одна из нас? Неужели такое возможно?

Элинор встала и потянулась.

– Конечно. – Шелестя сорочкой, она задула свечу и забралась к себе наверх. – Всё возможно.

– Но кто?

– Не знаю. Кого ты подозреваешь?

– Подозреваю?! – содрогнулась Луиза. – Жуткое слово! Я бы не осмелилась никого подозревать. Особенно без доказательств.

Элинор свесила голову вниз. Завеса волос, переливающихся в неверном свете луны, концами почти достигала кровати Луизы.

– Я ни единой душе не скажу, – поклялась она. – Это ведь не значит, что ты кому-то не доверяешь. Просто… задаёшь вопросы. Разве учёные в поисках правды не задают вопросы?

Луиза укрылась одеялом.

– Ну да… разумеется.

– И какие же вопросы пришли тебе в голову?

Луиза преисполнилась уверенности, что настал тот самый момент, когда мудрее всего промолчать. Однако Элинор пообещала держать её слова в секрете, а старшие девочки обычно не слишком часто интересовались мнением Луизы. В конце концов, совершено убийство! Что, если Луиза промолчит, а бедняжка Элинор станет следующей? Непростительный грех.

– Я ничего не знаю, – шепнула она. – Ничего. Ни единой зацепки! Но разве не странно, что Китти так быстро взяла всё в свои руки? – Тут Элинор резко выдохнула, и Луиза энергично продолжила: – То есть… решение самим управлять школой… Просто похоже, что всё было продумано заранее. Словно Китти это давно планировала. – Элинор кивнула, волосы заколыхались. – Конечно, это не подозрение, – сказала Луиза. – Просто пришло в голову.

– Понимаю.

Элинор улеглась на своё место. Внизу в холле послышались шаги, и девочки примолкли. Кто-то крался по коридору после наступления темноты, а сегодня и так… Сердце Луизы пустилось в галоп. Она выскользнула из кровати, приложила ухо к двери и с облегчением выдохнула.

– Это просто Китти и Мэри-Джейн, – сказала Луиза. Затем вспомнила всё, что только что наговорила, и залилась краской. – Тащат тело сюда!

* * *

Невозмутимая Китти проснулась около четырёх утра, когда над горизонтом с восточной стороны показалась тонкая розовая полоска – предвестник рассвета. Китти всю ночь провела в планах и подсчётах, и на сон у неё осталось меньше трёх часов. Однако со своим организованным умом она обладала счастливой способностью просыпаться в заранее намеченное – вплоть до минуты – время, а меньшее владение собой считала неприемлемым.

Китти потрясла Беспутную Мэри-Джейн. Та была не слишком легка на подъём. С подушки, как водопад, стекали каштановые кудри.

«Жаль, что она такая беспутная, – подумала Китти. Подруга и правда была хороша. – Впрочем, – рассудила Китти, – высокая мораль и ослепительная красота вряд ли уживутся в одном человеке. По крайней мере, в Мэри-Джейн».

– Мэри-Джейн, – шепнула Китти. – Пора копать могилы.

– Как скажешь, Реджи, – мурлыкнула в ответ Мэри-Джейн. – Мамочка никогда не узнает.

– Никаких Реджи! Это я, Китти, просыпайся, – твёрдо сказала её соседка.

– М-м? – Мэри-Джейн неохотно распахнула глаза, прищурилась от слепящего пламени свечи, нахмурилась и скатилась с кровати. – Ты правда сказала «копать могилы» или мне всего лишь приснился кошмар?

Поверх сорочки Китти натянула платье для работы в саду и взяла вчерашние чулки. А почему нет? Всё равно солнце ещё толком не взошло, да свежие и пачкать ни к чему.

– Вся эта вылазка – кошмар, – ответила она, – но мы должны помнить о цели. Независимость! Свобода от домашней и школьной тирании! В пансионе Святой Этельдреды будет просто земля обетованная для молодых леди. Подумай, какая гармония… Святая Этельдреда, покровительница девственниц.

– Кому-то, может, и гармония… – проворчала Мэри-Джейн. – Зачем причислять к лику святых ту, что осталась девственницей, дважды побывав замужем? Это выше моего понимания. Должно быть, у неё несло изо рта, вот и всё целомудрие. – Она застегнула платье. – Я-то считала, могилы роют наёмные могильщики с крепкими спинами, а не барышни, изучающие французскую литературу и светские танцы.

Дело продвигалось медленно. Разбудили Душечку Роберту и Глупышку Марту, причём последней потребовалось напомнить, а потом ещё раз напомнить, что произошло вчера за обедом: во сне Марта убедила себя, мол, ей просто пригрезился страшный сон. Когда выяснилось, что это вовсе не сон, она снова разразилась слезами, а Душечка Роберта чуть не впала в истерику. Так прошло три четверти часа, и лишь потом девочки сумели приступить к похоронным мероприятиям.

Мрачная Элинор и Рябая Луиза продемонстрировали замечательную силу духа, без единой жалобы разделив спальню с покойной миссис Плакетт. Луиза обладала слишком научным и рациональным складом ума, чтобы испугаться трупа в комнате, а Элинор, по правде говоря, это приключение даже понравилось. Она обнаружила в нём эстетическую привлекательность сродни той, что ценители находят в изысканных вонючих сырах.

«Смерть всё ближе», – частенько любила говаривать Элинор, а то, что у них в спальне, как неживое подтверждение этим словам, лежала миссис Плакетт, приносило Элинор огромное удовлетворение.

К погребальным забавам примкнули все, кроме Крепышки Элис: та по-прежнему отважно лежала в кровати миссис Плакетт, поддерживая иллюзию для мисс Фрингл. Остальные в одних чулках спустились на цыпочках по лестнице, натянули резиновые сапоги и улизнули через кухонную дверь. Душечка Роберта, дрожа, потирала обнажённые руки.

Утро выдалось сырым и мрачным, туман, окропив траву каплями росы, клубился над полями. Вблизи было не разобрать ни домов, ни строений, только величественные башни собора вздымались из непроницаемой пелены во всём божественном великолепии.

Возле грядок девочки застали врасплох кролика, жующего одуванчики. Навстречу по мокрой траве важно прошествовал мистер Шамблс, местный петух. Он остановился и издал негодующий крик.

– Уймитесь, мистер Шамблс! – прошептала Рябая Луиза. – Ещё не встали ни солнце, ни соседи, так что не шумите.

Мистер Шамблс в ответ без малейшего смущения склевал толстого слизня.

В сарае девочки взяли лопаты: миссис Плакетт свято верила, что садоводство исключительно полезно для здоровья юных леди. Выбрав укромный уголок позади кухни, возле кустов, они встали по периметру участка. Невозмутимая Китти сочла, что трупы как раз удобно поместятся среди овощных грядок.

Душечке Роберте событие показалось волнующим. Жемчужно-серая атмосфера зари полнилась знаковостью момента.

– Может, кто-нибудь скажет несколько слов? – попросила Роберта.

– Да, – отозвалась Беспутная Мэри-Джейн. – Как насчёт: «Давайте побыстрее с этим покончим»?

Она воткнула лопату в грунт, выворотив тяжёлый ком красной глины. Остальные подошли ближе и последовали примеру подруги. После некоторой неразберихи, пока выяснялось, куда кидать землю, девочки достигли значительного прогресса, хотя Невозмутимая Китти переживала, что кто-нибудь может услышать удары лопат. Душечка Роберта разрубила пополам жирного червя и уже вознамерилась оплакать судьбу несчастного создания, но Мрачная Элинор указала ей, что они роют яму для двух мертвецов. Разве те не достойны большего сочувствия, чем червяк? Роберта тут же сообразила, что их покойная директриса и её покойный брат окажутся в окружении множества червей. Плоть почивших долгие недели станет служить им завтраком, вторым завтраком, обедом, вечерним чаем и ужином, ведь у неё не будет даже такой защиты, как атласная подкладка гроба. В итоге Роберта заявила, что навеки утратила аппетит.

– Плевать на твой аппетит, – отрезала Беспутная Мэри-Джейн. – Рой побыстрей да поглубже, ради всего святого!

Почва весной неподатлива, а глинистая почва и того хуже. После того как сняли первый слой дёрна, пошли глубокие уровни, они поддавались тяжело. Дело затрудняли и узловатые корни груши, что росла в нескольких футах.

Несмотря на прохладный и туманный утренний воздух, лицо Невозмутимой Китти покрылось потом. Она стоически не обратила на это внимания и призвала остальных сделать то же самое. Скоро они смогут принять ванну.

– Только представьте, что сказала бы миссис Плакетт, увидь она нас сейчас, – заметила Невозмутимая Китти.

– Трудитесь усерднее, ленивые девчонки, – передразнила Беспутная Мэри-Джейн.

– Однако не забывайте о своих платьях! – добавила Китти.

– И не сутультесь, – для верности поддакнула Мрачная Элинор.

– Ей нравилось, когда мы работали в саду, – вздохнула Роберта.

– Верно. – Мэри-Джейн поддела кучку грунта. – Нравилось, когда мы пололи сорняки и засевали клумбы. Это избавляло мадам от необходимости нанимать работников.

– Зато она уже никогда нам не скажет, – заявила Китти, – «только по половинке тоста на каждую!». Отныне, леди, она больше не сможет морить нас голодом.

Земляные работы продвигались уныло. Ладони покрылись волдырями, но могила всё ещё казалась неглубокой. Девочки так увлеклись, что едва не прозевали, как мистер Шамблс

тревожно вспорхнул с места. Там, где только что стоял, поклёвывая землю, петух, промчался долговязый комок коричневой шерсти.

– Доброе утро, Брут, – поздоровалась Глупышка Марта, почёсывая бородку эрдельтерьера. – Уже поймал крысу?

– О нет, – простонала Рябая Луиза. – Где Брут, там и Генри Баттс!

И действительно, мгновением позже в саду показался юноша в кожаных сапогах и широкополой соломенной шляпе. Увидев девочек, он споткнулся, замер и залился краской. Рябая Луиза и Душечка Роберта спрятали лопаты за спину. Мрачная Элинор закатила глаза и продолжила копать. К веселью присоединился Брут и принялся тоже рыть землю. Грязь фонтаном полетела у него из-под лап. Очки Глупышки Марты неведомым образом исчезли с её носа и скрылись в кармане платья.

– Я всё улажу, – прошептала Беспутная Мэри-Джейн и, сладко улыбаясь, присела в реверансе, подав Элинор знак остановиться. – Здравствуйте, мистер Баттс. Что привело вас сюда этим чудесным майским утром?

– Я… То есть… Доброе утро. Я тут… сообщить хотел. – Бедняга Генри таращился на уставившихся на него девочек, будто мышь, загнанная в угол стаей кошек.

Беспутная Мэри-Джейн опустила на его плечо тонкую белую руку.

– Боже, какой вы старательный. Поднялись до рассвета подстелить коровкам соломы?

– Сена. – Эта тема разговора была Генри знакома. – Но сначала дойка.

– Как очаровательно по-деревенски. – На лице Мэри-Джейн мелькнула улыбка, оружие того калибра, что повергало ниц мужчин поопытнее Генри. – Неужели вы проделали такой путь, чтобы увидеть нас?

Глупышка Марта чуть ли не с завистью наблюдала за представлением. Мэри-Джейн умела произносить «увидеть нас» так, словно подразумевала «увидеть меня». Именно потому Марта считала, что Мэри-Джейн окончит свой путь земной не меньше чем герцогиней.

Генри Баттс несколько раз сглотнул и лишь затем сумел ответить:

– Мне надо вам рассказать кой-чего. О прошлой ночи. Кое о ком. В вашем саду.

Китти, Мэри-Джейн, Элинор и Луиза обменялись лукавыми улыбками.

– И правда, – поддержала Невозмутимая Китти. – Что ты делал прошлой ночью в нашем саду?

Генри решительно покачал головой:

– Не я. Я не о себе. О другом.

Беспутная Мэри-Джейн игриво побарабанила по пуговицам на рубашке Генри.

– Но как вы узнали об этом, если вас здесь не было?

Щёки Генри окончательно побагровели.

– Это всё Брут, – сказал он. – Гонялся за кроликами. Я не хотел, чтобы его лай потревожил вас, леди. – Генри беспомощно оглянулся и наткнулся взглядом на менее смущающие его лица. – Доброе утро, мисс Роберта, мисс Марта, – поздоровался он, снимая шляпу и кланяясь.

Генри внезапно сообразил, что не снял её сразу при встрече с дамами, и, дабы скрыть оплошность, убрал головной убор за спину. Так они и стояли – шесть девушек прятали за спины лопаты, а юноша – шляпу, – глазея друг на друга.

Генри посмотрел на Брута, всё ещё яростно роющего грязь. Рябая Луиза мысленно благословила за это пса. Она задалась вопросом: можно ли подачками и объедками заставить его выкопать всю яму.

– А что вы делаете? – поинтересовался Генри.

Шесть голосов слились в хор:

– Делаем?

– Делаете, – настаивал Генри. – Лопатами.

– Ах, это… – отозвалась Мэри-Джейн.

– Копаем, – быстро поразмыслив, ответила Китти.

– Да, но зачем?

И снова шесть голосов зазвучали в унисон.

– Упражняемся, – сообщила Беспутная Мэри-Джейн.

– Ищем червей, – перебила Мрачная Элинор.

– Исследуем почву, – вставила Рябая Луиза.

– Садоводничаем, – заявила Душечка Роберта.

– Китти уже ответила, – заметила Глупышка Марта.

Девочки обменялись тревожными взглядами. Генри, глубоко задумавшись, нахмурил брови.

– Точно, – кивнула Невозмутимая Китти.

– Точно что? – недоумённо моргнул Генри.

– Точно то, что я и сказала, – продолжила Китти. – Сажаем дерево.

Генри почесал голову.

– Вы так сказали?

– Само собой. – Для Китти Генри был лёгкой добычей. Чтобы управлять таким олухом, не нужны даже чары Беспутной Мэри-Джейн.

– Деревья лучше всего сажать осенью, – подсказал Генри.

– Я знала, что следует посоветоваться с вами, Генри, – просияла Беспутная Мэри-Джейн.

– И всё же, мы сажаем дерево сейчас, – возразила Невозмутимая Кити и добавила, развивая тему: – Вишнёвое.

Генри Баттс разволновался.

– Тогда вам понадобится навоз! – вскричал он. – Вернусь через несколько минут, да привезу побольше.

Свистнув Бруту, он ринулся вниз по поросшему ежевикой отрезку Приквиллоу-стрит, что соединяла школу Святой Этельдреды и ферму Баттса.

– Как заботливо с его стороны привезти нам навоз, – мечтательно вздохнула Глупышка Марта. – Генри так великодушен!

– О да, – ухмыльнулась Беспутная Мэри-Джейн. – Так великодушен, что собирается предоставить в наше распоряжение тачку, доверху полную вонючего навоза.

– В котором мы похороним миссис Плакетт и мистера Годдинга, – заметила Рябая Луиза.

Девочки замерли. Первой фыркнула Беспутная Мэри-Джейн. Душечка Роберта очень старалась не рассмеяться, но тщетно.

– Прощай, противная старушенция! – провозгласила Невозмутимая Китти. – Не будь ты такой занудной, навоз с фермы Баттса не стал бы твоим последним пристанищем! Давайте, девочки, закончим побыстрее.

И они с мрачной решимостью вернулись к работе.

– Неужели Генри правда видел здесь кого-то вчера ночью? – осведомилась Душечка Роберта.

– Конечно, – рассмеялась Беспутная Мэри-Джейн. – Собственную тень!

Глупышка Марта убрала с лица волосы, оставив на лбу грязное пятно.

– Но если он был здесь один, зачем ему врать?

– Может быть, – предположила Рябая Луиза, – он увидел нас и решил, что мы и есть незваные гости.

– Наверное, так и было, – кивнула Невозмутимая Китти.

– Но курлыканье мы услышали куда раньше, – подсказала Мрачная Элинор.

Мэри-Джейн была намного сильнее, чем казалась на первый взгляд. Она подняла на лопате тяжеленный ком глины, тот глухо шлёпнулся вниз.

– Уверена, это Генри, – заявила она. – Он шпионит куда чаще, чем вы думаете. Я как-то видела, что он подсматривает за нами в театральный бинокль своей мамаши. – Мэри-Джейн с трудом вырыла камень размером с дыню из ямы, что наконец стала походить на могилу. – Да кто ещё это мог быть?

Лопата Мрачной Элинор вонзилась в корни грушевого дерева.

– Убийца.

Глава 6

Когда Генри Баттс вернулся с тачкой, доверху полной едко благоухающего навоза, могила была почти готова.

– Мы перед вами в большом долгу, Генри. – Невозмутимая Китти сделала книксен. – Не знаю, можно ли попросить вас ещё об одной услуге?

Генри стянул с головы шляпу, и его рыжеватые волосы встали торчком.

– Что я могу сделать для вас, мисс Кэтрин?

Подхватив Генри под руку, Китти повела его по направлению к ферме. Сельское хозяйство, отметила она про себя, мышцам только на пользу.

– Конечно же, вы знакомы с дорогой мисс Фрингл, госпожой начальницей нашего хора?

Генри кивнул.

– Прошлым вечером она наведалась к нам в гости и повредила лодыжку. Ночь мисс Фрингл провела в школе, поскольку не могла дойти до дома. Не будете ли вы так любезны отвезти её в своей симпатичной повозке?

– Непременно. – Генри словно полегчало при мысли, что ему предстоит заняться чем-то иным, нежели беседовать с юными леди. – Только помоюсь и запрягу пони миссис Плакетт, а потом тотчас вернусь!

Генри и Брут отправились по зелёной тропинке на ферму, а барышни ненадолго отложили лопаты.

– Пора будить Элис, не то мисс Фрингл проснётся и начнёт задавать ей вопросы, – постановила Невозмутимая Китти.

Оставив грязные сапоги у двери, девочки тихонько вошли в дом и вымыли руки на кухне.

Китти отправилась наверх и юркнула в спальню миссис Плакетт, готовясь шепнуть Элис, чтобы та просыпалась, но к огромному удивлению обнаружила, что её подруга и мисс Фрингл давно беседуют.

– Простите, не хотела мешать, – помешкав, выдавила Китти.

– Ничего, юная леди, – великодушно отмахнулась мисс Фрингл. – Мы с вашей директрисой просто немного побеседовали о бедном Джулиусе и его дяде, мистере Годдинге.

– Вижу, – медленно отозвалась Китти.

Она и правда видела. Элис лежала полубоком, спиной к мисс Фрингл и лицом к выходу, и, похоже, изо всех сил сдерживала смех. Мисс Фрингл с взъерошенными седыми волосами, рассыпанными по подушке, и без очков выглядела совершенно другим существом.

– Подайте мне очки с тумбочки, юная леди, – велела мисс Фрингл.

Невозмутимая Китти тут же достала очки из кармана, пока их хозяйка не обнаружила, что те никогда и не лежали на тумбочке. Китти повернулась к той стороне кровати, где лежала Элис.

– Что ж, дорогая миссис Плакетт, позвольте помочь вам подняться. Нужно обсудить один вопрос касательно кухни, пока мисс Барнс не пришла на работу.

Притворяясь, будто помогает Крепышке Элис подняться и встать, Китти следила, чтобы мисс Фрингл, вновь обретшая зрение, не увидела лица подруги. Они вышли из комнаты, и Китти закрыла дверь. Крепышка Элис тряслась, силясь сдержать смех.

– Ну, как я сыграла леди Макбет? – осведомилась она, едва девочки оказались за пределами слуха регентши. – Плевать на бабулино мнение, сделаю карьеру на подмостках!

На кухне остальные девушки окружили Элис, чтоб расспросить, как она справилась с заданием. Элис поведала, что они с мисс Фрингл битый час беседовали, обсудили и покойного мужа миссис Плакетт, капитана Плакетта, и её двух братьев, Джеффри и Олдоса, а также Джулиуса, драгоценного сыночка Джеффри. Для Олдоса мисс Фрингл не пожалела презрения,

тот оказался известным игроком. Девочки славно позабавились, глядя, как Элис изображает регентшу, изобличающую его пороки.

– Она всё твердила: «Знаю, он твой брат, но я обязана предостеречь тебя о его развратном образе жизни, и не постесняюсь сказать тебе это в лицо». Но она ни разу даже мельком не увидела моего лица! – Крепышка Элис содрогнулась от хохота.

– Молодчина, Элис, поздравляю! – воскликнула Беспутная Мэри-Джейн. – Отлично сыграно.

Элис раскланялась.

– Игрок? – задумалась Невозмутимая Китти. – Как интересно. Я и не предполагала…

– Чего не предполагала? – осведомилась Беспутная Мэри-Джейн.

– Ну вообще-то его убили, – подсказала Рябая Луиза.

– Тс-с, – зашипела Китти. – Она нас услышит!

Луиза не обратила на неё никакого внимания.

– Его убили. Может, есть какая-то связь? Карточные долги?

– Ну тогда и миссис Плакетт была игроком, – фыркнула Мэри-Джейн. – Воображаю её, разодетую в шелка и перья, в казино на Ривьере…

Рябая Луиза представила этот невероятный образ. Миссис Плакетт – игрок? Вот Мэри-Джейн прекрасно бы смотрелась среди сверкающей роскоши игорного зала…

– Зато теперь мы знаем, кто такой Джулиус, – заметила Крепышка Элис. – Наверняка пригодится.

– Поторапливайтесь, девочки, времени нет, – велела Китти, бросив взгляд на кухонные часы. – Скоро явится Аманда Барнс, и нам нужен план. А пока что, Роберта, голубушка, не могла бы ты принести для мисс Фрингл немного хлеба и масла? Марта, а ты вскипяти воды для чая, вдруг Генри задержится. Элис, прокрадись наверх, чтобы мисс Фригнл не заметила, и переоденься. Элинор, Луиза, найдите старые простыни, завернём в них трупы. Нужно убрать их с глаз, пока Генри везёт мисс Фрингл домой.

Девушки тут же бросились исполнять указания Китти. Глупышка Марта и Душечка Роберта приготовили мисс Фрингл завтрак, а Беспутная Мэри-Джейн, не вполне им доверяя, лично доставила еду больной. Элис с радостью избавилась от сорочки директрисы и спустилась вниз уже в собственном обличье. Генри Баттс к этому времени как раз прибыл забрать мисс Фрингл. Опираясь на его сильную руку, регентша сошла по ступеням, забралась в повозку и устроилась со всеми удобствами. Тут появилась Рябая Луиза и заявила, что намеревается тоже прокатиться в деревню, необходимо, мол, кое-что прикупить в аптеке.

– Хорошо, хорошо… – Китти отвела Луизу в сторону и прошептала ей на ухо: – Если сможешь, достань саженец вишнёвого дерева.

– Где? – спросила Луиза. – Но вдруг их не продают в это время года?

– Попробуй в питомнике, а если не выйдет, придумай что-нибудь. – Ответ Китти ничем не помог. – Мы в тупике! Нам нужно посадить дерево!

Луиза влезла в повозку, уселась позади мисс Фрингл, и вся компания тронулась в путь.

Не успел хвост пони исчезнуть из поля зрения, Беспутная Мэри-Джейн выволокла из шкафа мистера Годдинга.

– Он задеревенел! – хватая ртом воздух, вскричала она.

– Конечно, задеревенел, он же покойник, – заметила Мрачная Элинор.

Эта отговорка Мэри-Джейн не удовлетворила.

– Но он скрюченный!

Так и было. Олдос хранился в шкафу, что не позволило ему застыть ровно, как подобает респектабельному усопшему. Участь мистера Годдинга была предрешена: трупное окоченение навеки оставило его со скрюченными руками и ногами.

– Придётся хоронить его в сидячем положении, – постановила Невозмутимая Китти. – А ещё лучше… Пустите-ка взглянуть поближе… С одной рукой на лбу. Впрочем, какая разница? Давайте заворачивать.

Барышни обмотали тело старыми хлопчатобумажными простынями. Крепышка Элис только обрадовалась, когда жуткий лик Олдоса скрылся под импровизированным саваном. Китти и Мэри-Джейн работали споро, как паучихи, что, кажется, расстроило Мрачную Элинор. Должно быть, та лелеяла надежду насладиться этим зловещим опытом.

– Рабы мумифицировали фараонов неделями, – сопела она. – Давайте хотя бы воткнём ему в нос зонд, чтобы раскурочить и разжижить мозги! Они у него прямо из ноздрей выльются.

– А нам-то какая польза? – осведомилась Беспутная Мэри-Джейн. – Будь добра, держи свои крамольные варварские предложения при себе. Не видишь, мы торопимся!

Глупышка Марта и Душечка Роберта ни в какую не согласились прикасаться к телам, поэтому наверх, заворачивать миссис Плакетт, отправились Китти, Мэри-Джейн и Элинор. Вскоре оба трупа лежали у чёрного хода спелёнутыми, словно тюки белья для прачечной.

– Впереди самая опасная часть, – предупредила Невозмутимая Китти. – Нужно опустить их в землю до того, как нас застукают. Элис, стой на страже. Если кто-то придёт, отвлекай как-нибудь. Не подпускай к саду или окнам, которые туда выходят. Но в первую очередь держи подальше Барнс. Она может появиться в любую минуту. Вообще-то наша домоправительница уже опаздывает. Итак, сначала мистер Годдинг. Шевелитесь, девочки, шевелитесь!

Крепышка Элис притворилась, что срезает сирень в садике перед пансионом, а Китти, Мэри-Джейн и Элинор взялись за тюк с мистером Годдингом и поволокли его к яме для вишни. Опустив труп в яму, они сразу выяснили, что для сидячего тела копать требуется гораздо глубже. Китти и Марта принялись рыть дальше, а остальные поспешили за миссис Плакетт. Элис наблюдала за этой суетой с безопасного расстояния. Она следила так напряжённо, что не сразу услышала приближающиеся к дому шаги.

Сердце Элис провалилось до самых сапог. В час испытаний так оплошать на посту! Надо как-то спровадить незваного гостя. Тут Элис увидела, кто пожаловал, и сердце подпрыгнуло прямо в горло, едва не задушив хозяйку. Леланд Мерфи! До него мистер Уилкинс, деревенский стряпчий, державший контору на Хай-стрит, ни разу не нанимал столь юного клерка. Низенький, бледный, с редкими усиками и прыщами по всей физиономии, да ещё с таким невыразительным безвольным подбородком, что лицо вытягивалось прямо к адамову яблоку, будто нижняя челюсть и вовсе отсутствовала. Если бы Элис была Гвиневрой, мистер Мерфи стал бы её Ланселотом. Она не замечала в нём никаких недостатков. Однако нежная душа Элис непрестанно задавалась великим вопросом – видит ли Леланд недостатки в ней?

По вышеуказанной причине в присутствии мистера Мерфи Элис держалась застенчиво и скромно, едва не проглатывая язык, но в сей критический момент позволить себе подобной роскоши не могла.

По гравийной дорожке она ринулась навстречу Леланду.

– Мистер Мерфи, какая честь! Что привело вас к нам этим чудесным утром?

Бедолага Леланд Мерфи так оторопел, что даже скукожился. От клерка в лоснящемся чёрном сюртуке словно остался один скелет. Рука, прятавшаяся за лацканом, крепко сжимала чёрную кожаную папку.

– Мисс… Элис Брукс, не так ли? – выдавил он.

Юная леди удостоила его реверанса.

– Похоже, вы запомнили моё имя.

Леланд чопорно кивнул. Вид у него при этом сделался совершенно несчастный.

– Могу я войти?

Из-за своей вынужденной вопиющей дерзости бедняжка Элис буквально изнывала. А всё обстоятельства!

Взяв Леланда под руку, Элис направилась с ним в палисадник.

– Зачем заходить в дом, когда на улице такая чудесная погода? Какое бы дело ни привело вас сюда, его можно уладить и снаружи, верно?

Леланд Мерфи воззрился на собеседницу с ужасом, а может, и с отвращением. Возможно, он испытывал смешанные чувства, Элис не знала наверняка. Что бы это ни было, застыл Леланд надолго. Локоть его подрагивал. Они стояли молча. Леланд рассматривал черепицу на крыше, Элис изучала изгородь.

– Я принёс бумаги для миссис Плакетт, – наконец произнёс он.

От разочарования сердечко Крепышки Элис разбилось вдребезги. Близкое знакомство с Леландом Мерфи развеяло все заветные надежды. Его щёки покрыла испарина – доказательство отвращения к Элис. Ничего удивительного! Разве не ей довелось этим утром сыграть роль женщины шестидесяти двух лет? Какими чарами она могла бы привлечь внимание столь щеголеватого джентльмена, за чью руку нахально цеплялась даже сейчас?

– Простите. – Леланд откашлялся. – Возможно, вы меня не расслышали. Я сказал, что принёс бумаги миссис Плакетт.

– Конечно, – пробормотала Элис. – Извините. Почему бы вам не отдать документы мне, а я доставлю их хозяйке?

Вопреки обманутым надеждам, Крепышка Элис не намеревалась отказываться от своей миссии. Ширина её талии никоим образом не превосходила широту души.

Кадык мистера Мерфи тревожно дёрнулся.

– Я получил чёткие инструкции вручить бумаги лично в руки миссис Плакетт. Мистер Уилкинс выразился предельно ясно. Это важные документы.

– Понимаю, – кивнула Крепышка Элис. – К несчастью, миссис Плакетт со вчерашнего вечера нездоровится. Она отдыхает, её ни в коем случае нельзя беспокоить.

– Придётся мне вернуться ни с чем. – На лбу клерка залегла тревожная складка. – Мистер Уилкинс будет недоволен.

Никогда Элис не приходилось так лицедействовать. Отбросив разбитые мечты, она взглянула в глаза мистера Мерфи.

– Доверьтесь мне, – проникновенно прощебетала Элис. – Я избавлю вас от гнева мистера Уилкинса и необходимости возвращаться ещё раз. Сделаю всё, чтобы эти бумаги попали прямо на стол миссис Плакетт. Она увидит их сразу, как проснётся.

«В день Страшного суда, и ни секундой раньше», – мысленно добавила Элис.

В этот момент послышались ещё чьи-то шаги. Элис обернулась и увидела Аманду Барнс, их экономку. Та неспешно шла к дому, являя собой подлинную угрозу попыткам похоронить тела. Стоит Барнс войти внутрь, не пройдёт и пары минут, как она выглянет в окно кухни и застанет погребение в самом разгаре.

Доброе сердечко Элис пронзила острая боль. Придётся вырваться из рук мистера Мерфи, закончить их первую и последнюю беседу, вынудить его отдать документы, навсегда опорочить в глазах Леланда свой образ благовоспитанной юной леди и выпроводить клерка восвояси. И всё не более чем за двадцать секунд, чтобы встретить неминуемую опасность в лице домоправительницы!

– Доверьтесь мне, мистер Мерфи, – дрожащим голосом повторила она.

Словно околдованный тёмным заклятием, Леланд Мерфи медленно протянул руку и отдал бумаги.

– Спасибо. – Элис сделала книксен. – Мне пора. Тотчас же доставлю документы, только поздороваюсь с мисс Барнс. – И она повернулась, чтобы избавить клерка от своего присутствия, доставляющего ему такие неудобства.

– Мисс Элис, – задушенным голосом позвал Мерфи.

– Что? – Та замерла, с ужасом осознавая, что шаги Аманды Барнс звучат всё ближе, неся неотвратимую гибель.

– В среду вечером в приходе будет Клубничное суаре, званый ужин, – прохрипел Леланд. – Вы придёте?

У бедняжки Элис закружилась голова. Что это значит? Разумеется, он просто хочет удостовериться, что она передала документы. Лицо мистера Мерфи стало белее мела, только щёки и прыщи полыхали красным.

– Можно ли мне… Могу ли я… надеяться, что мы продолжим там нашу беседу?

Рапсодия цветущих роз и скрипок наполнила душу Элис.

– Можете! – выдохнула она и бросилась к дому.

Глава 7

У Невозмутимой Китти, Беспутной Мэри-Джейн, Мрачной Элинор, Душечки Роберты и Глупышки Марты дела на могильном участке продвигались хуже, чем ожидалось.

Яма требовала не только углубления из-за неудобной позы мистера Годдинга, но и расширения из-за его неловко торчащих конечностей. Он растопырил руки и ноги, словно непослушный мальчуган, который делит постель с братом и отказывается оставаться на своей половине. Спелёнутый груз девочки приволокли и спустили в яму так быстро, как только могли, но упрямые тела подчиняться не соглашались.

Мэри-Джейн рвала и метала.

– Ради всего святого, как же чертовски трудно кого-то хоронить! Запихать сюда живых людей и то было бы легче.

– Цыц! – шепнула Невозмутимая Китти. – Там шаги! И голоса. Кто-то пришёл в дом.

– Остаётся только довериться Элис и поторапливаться, – прошипела Мэри-Джейн. – Роберта, голубушка, сюда. Почему бы тебе не водрузить тот камень поверх мистера Годдинга? А мы насыпем навоз.

– Они как куколки бабочек, – заметила Мрачная Элинор. – Луиза бы так и сказала. Будем надеяться, что из них не вылупятся гигантские насекомые.

– В самом деле, Элинор! – Мэри-Джейн закатила глаза. – Думай, что говоришь.

Наконец барышни сумели расположить тела в яме и опрокинули поверх лавину навоза. Душечка Роберта уткнулась в носовой платок, а вот Глупышка Марта не возражала.

– Какой здоровый аромат, – восхитилась она. – Как от пони.

– Покойся с миром, директриса, – подытожила Душечка Роберта, на мгновение склоня голову.

– Весьма трогательно и очень уместно, – похлопала её по спине Мэри-Джейн. – Покойся с миром, мерзкий братец директрисы!

– О-о-о, – застонала Роберта, задышав тревожно и часто.

– Что случилось? – разволновалась Невозмутимая Китти. Она догадалась, что вскоре последует обморок.

Мэри-Джейн закатила глаза:

– Только не снова. И не сейчас, ради бога!

– Я подумала, – между учащёнными вдохами выпалила Роберта, – что зарыть их вот так не слишком-то по-христиански!

Все замолчали, обмениваясь взглядами, и в итоге выжидающе уставились на Китти. Та поняла, что её главенство проверяется на прочность.

– В самом деле, Роберта, – начала она, – не по-христиански.

– О-о-о, – возопила совестливая Роберта, – я знала!

– Однако, – твёрдо продолжила Китти, – обретение Царствия Небесного никак не связано со способом погребения. Только подумай обо всех бедных матросах, почивших в море.

Беспутная Мэри-Джейн одобрительно кивнула. Вперёд, Китти!

– Миссис Плакетт и мистер Годдинг… освободились от тягот жизни бренной. – Наконец от нудных проповедей преподобного Рамси будет какой-то толк! – Несчастный случай произошёл не по нашей вине. Мы их не убивали. – Китти окинула девушек взглядом, проверяя, не отразились ли на лицах тайные мысли, опровергающие сие заявление. – Так что помолимся об усопших, поклянёмся стать лучше и перевернём этот лист. Уверена, судьба никогда уже не поставит нас перед таким страшным выбором. В нашем саду больше не будет никаких похорон!

– Да уж, не хотелось бы, – пробормотала Беспутная Мэри-Джейн.

Китти неодобрительно кашлянула.

– Согласна, Роберта?

Скорбное выражение лица Роберты немного смягчилось. Она шмыгнула носом, вздохнула и наконец кивнула.

Подозревая, что худшее ещё впереди, Китти, до сего момента державшаяся от навоза подальше, оставила девочек разравнивать холм. Она рискнула выглянуть за угол дома и тут же помчалась обратно.

– Молодой клерк – как его там, Мерфи? – только что был здесь, разговаривал с Элис, – прошептала она. – А по дороге приближается Аманда Барнс.

– Бр-р, тот глупый слизняк? – содрогнулась Беспутная Мэри-Джейн. – Бедняжка Элис! Ей пришлось из-за нас страдать…

– Почему люди никак не оставят нас в покое?! – пробурчала Мрачная Элинор. – Пансион вдруг превратился в какой-то проходной двор.

– Помолимся же, чтобы Луиза побыстрее привезла нам дерево, – вздохнула Китти. – Заканчивайте побыстрее, а потом отправляйтесь мыться. От вас несёт, как из конюшни. Пойду помогу Элис разобраться с Амандой Барнс.

– Удачи! – пожелала ей Беспутная Мэри-Джейн. – Сдаётся мне, избавиться от прислуги будет посложнее, чем от мистера Годдинга.

* * *

– Доброе утро, мисс Элис, – донёсся с дорожки голос Аманды Барнс.

Элис всё ещё стояла, с трепетом вспоминая последние слова Леланда Мерфи. Тот сбежал, едва Элис направилась к дому, поэтому она решила, что может спокойно вернуться и поприветствовать экономку. Бумаги поверенного Элис спрятала за спину.

– О, доброе утро, Барнс. Надеюсь, вы в добром здравии?

– Да, благодарю вас. Немного болит голова, но в моём возрасте сон уже не тот, что прежде, – ответила Барнс.

Хотя в причёске экономки проглядывало несколько седых прядей, основная масса густых волос всё ещё была сливочно-белокурого цвета. Элис всегда гадала, почему столь миловидная женщина, которая всегда служила в респектабельных семьях и прекрасно готовила (как и любая домоправительница в Или), осталась незамужней.

– Печально слышать, – машинально ответила Элис и тут же увидела лазейку: – Может, вам стоит вернуться домой и отдохнуть?

– Нет-нет, это вовсе не важно, не стоило и упоминать.

– Полагаю, миссис Плакетт не будет возражать, – поднажала Элис.

– Я бы не была так уверена. – Барнс склонила голову набок. – Тот юноша, что поспешил прочь, неужели это клерк мистера Уилкинса? – Она помешкала, затем правильно истолковала неловкое молчание Элис как утвердительный ответ. – Как странно… Что же заставило его подняться в такую рань? Сестра говорила, все адвокаты только и делают, что пьют ночами напролёт да спят до полудня. Она служит в коллегии барристеров, адвокатов, в Лондоне. Как они дымят! – Тут Барнс, похоже, осенило, и она подмигнула: – Или он пришёл к вам? Для любезностей ещё страсть как рано!

– Любезности! – Элис задалась вопросом, не взвизгнула ли она, не залилась ли краской? – Ну что вы такое говорите, Барнс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.